КР 65—
38

Дневник о
Поварской
С.-П. 1913 г.

КР65 38
Библіотека Скворцовой
9(47)
В67
94160

Изданіе Вятскаго Товарищества.
„Народная Библіотека“.

Е. ВОЛКОВА.

Мининъ и Пожарскій.

Историческій очеркъ.

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Складъ изданія: Книжный Складъ „Провинція“. Спб., Стремянная, 6.
1913.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ПРОВИНЦІЯ“.
Спб. Стремянная ул., 6.

Изданія Вятскаго Товарищества:

Популярныя брошюры:

А. П. Какъ жили первые люди и какъ послѣ жизнь измѣнилась. 7 к.
Купріянова. Общедоступные очерки по государственному праву. 12 к.
В—въ. Какъ защищать себя на судѣ, не имѣя защитника? 15 к.
„ Какъ защищать свои имущественныя права? 10 к.
Острогорскій В. Н. В. Гоголь. 10 к.
И. К. Болгарскій народн. учитель. 6 к.
Шевлягина. О микробахъ. 5 к.
Шевлягина. Паровая машина, пароходъ, паровозъ. Съ 11 рис. 8 к.
Братчиковъ. Какъ опредѣлять возрастъ у лошади? Съ 17 рис. 4 к.
Братчиковъ. Какъ осматривать лошадей при покупкѣ? 4 к.
Ельмановъ. О заразныхъ болѣзняхъ домашн. животн. Съ 24 рис. 15 к.
Ивановскій. Худая болѣзнь. 10 к.
Меньшиковъ. Праздники древонасажденія 40 к.

Сборники стихотвореній:

Крестьянскія дѣти. 5 к.
Трудовой крестьянскій годъ. 8 к.
Женская доля. Съ 10 рис. 12 к.
Пѣсни труда и неволи. 8 к.
Несчастные. Съ 11 рис. 10 к.
Сказки и легенды. 12 к.

Историческіе разсказы:

Костомаровъ. Кудеяръ (излож. *Гадмеръ*). (Изъ врем. Іоанна Грознаго). 35 к.
По **А. Толстому.** Князь Серебряный (изл. *Гадмеръ*). Съ 11 рис. 40 к.
Волкова. Князь Скопинъ-Шуйскій. (Изъ врем. Василія Шуйск.). 25 к.
Волкова. Въ лютое время. (Изъ врем. царя Алексѣя Михайловича). 12 к.
Волкова. Седьмая жена. (Изъ врем. царя Іоанна Грознаго). 20 к.
Волкова. Несчастный женихъ. (Изъ временъ. Бориса Годунова). 20 к.
Волкова. Петръ Басмановъ. (Изъ временъ перваго самозванца). 20 к.
Волкова. Квиринъ-Кульманъ. (Изъ врем. правительницы Софьи). 15 к.
Волкова. Моровое повѣтріе. (Изъ врем. царя Алексѣя Михайл.). 25 к.
Волкова. Горе матери-посадницы 15 к.
Волкова. Мининъ и Пожарскій. (Изъ временъ Лихолѣтья) 20 к.
„ Патріархъ Гермогенъ 20 к.
„ Мужикъ - журавль, (изъ врем. Петра Великаго) 20 к.
Быкова. Вильгельмъ Оранскій. 25 к.
Водовозовъ В. Одиссей. 7 к.
Очаповскій Л. Миѳъ про древняго царя Мидаса. Съ 5 рис. 12 к.
» Миѳъ о Фаэтонѣ. 8 к.
» Миѳъ о Европѣ. 8 к.
» Миѳъ о гор. Троѣ. 12 к.
» Миѳъ объ Іо. 15 коп.

Исторія:

Ренаръ Жоржъ. Республика 1848 г. во Франціи. 1 р. 50 к.
Тэнъ И. Старый порядокъ. 75 к.
Богдановичъ Т. Страна, правительство и народъ въ Швеціи. 15 к.
Пименова Э. Какъ нѣмцы боролись за свободу. 15 к.
» Борьба за свободу въ Австріи и Венгріи. 20 к.
Бойзенъ. Новая Зеландія. 30 к.
Волкова. Аравія и Магометъ. 25 к.

Географія:

Рубакинъ. Докторъ Гассанъ Съ 46 рис. 35 к.
» Гибель корабля „Гровеноръ“. 50 коп.
» Среди мусульманъ. Съ 64 рис. 65 коп.
» На плавающихъ льдинахъ. Съ 52 рис. 35 коп.
» Среди черныхъ дикарей. Съ 55 рис. 65 к.
» Приключенія въ странѣ рабства. Съ 27 рис. 40 к.
Злобожанскій. Италія. Съ рис. 50 к.
„ Италія. Ч. II 17 рис. 65 к.
„ Европа 1 р. 10 к.
Караваева Е. Бельгія. Съ 30 рис. 40 к.
Березинъ. Въ Новый Свѣтъ за счастьемъ. 40 к.
Радакова. Швейцарія. 10 рис. 10 к.
„ Голландія. Съ 14 рис. 10 к.
„ Америка. Съ рис. (печ.).

Естествознаніе.

Клейнъ Г. Астрономическіе вечера. 25 рис. и карта. 1 р. 25 к.

КР65 38

Изданіе Вятскаго Товарищества
„Народная Библіотека“.

А 9(47) В67
1966

Е. Волкова

Козьма Мининъ
и
князь Д. Пожарскій

Историческій очеркъ изъ временъ лихолѣтія
1611—1613 гг.

44
ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПОГАШЕНО

ИЗДАНІЕ ПОМѢЩАЕТСЯ:
въ Петербургѣ въ книжн. складѣ „ПРОВИНЦІЯ“ и М. М. Стасюлевича,
въ Москвѣ въ книжн. скл. Бр. Башмаковыхъ и „НАУКА“.
1913

54

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 24302 1972 г.

Зак.
4459

Козьма Мининъ и князь Д. Пожарскій.

ГЛАВА I.

Въ Мугрѣевской вотчинѣ.—Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій.

Было лѣто 1611-го года.

Глубокое уныніе царило въ Мугрѣевской вотчинѣ, что лежала близъ рѣки Лухи въ Суздальскомъ уѣздѣ. Вотъ уже четвертый мѣсяцъ жилъ здѣсь самъ хозяинъ ея, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, и жилъ не по доброй волѣ. Не привыкъ онъ сидѣть дома, и не такое было время тогда, чтобы ратному человѣку сидѣть сложа руки, а вотъ пришлось! Былъ онъ воеводой передового полка въ ополченіи Прокофія Ляпунова, которое въ мартѣ мѣсяцѣ подошло къ Москвѣ, чтобы избавить столицу отъ завладѣвшихъ ею поляковъ.

Москва уже пылала, зажженная поляками, когда князь Пожарскій кинулся въ городъ защищать русскихъ; но въ горячей схваткѣ съ поляками онъ

былъ тяжко раненъ и еле живой, истекающій кровью, перевезенъ сперва въ Троице-Сергіевскій монастырь, а оттуда въ свою Мугрѣевскую вотчину, гдѣ и лѣчился отъ ранъ. Въ одинъ пасмурный день конца іюля князь, съ трудомъ поднявшись съ постели, опустился на широкое дубовое кресло, что стояло передъ отвореннымъ оконцемъ.

Молодое лицо князя (князю было въ то время 32 года) было блѣдно, свѣтлоголубые глаза его съ невыразимой печалью глядѣли на разстилающееся передъ окномъ поле...

Князь только-что узналъ о гибели воеводы Ляпунова. Воеводу убили казаки, которыхъ онъ привлекъ подъ Москву въ качествѣ союзниковъ въ борьбѣ съ поляками. Узналъ князь и о томъ, что послѣ гибели своего вождя ополченіе распалось, потому что служилые, ратные люди бросились изъ-подъ Москвы по домамъ, испугавшись насилій отъ казаковъ, которые начали творить надъ ними всякія безчинства, грабили ихъ, убивали, разбойничали по окрестнымъ уѣздамъ, жгли помѣщичьи усадьбы, захватывали себѣ вотчины и помѣстья.

«Ошибся Ляпуновъ! Не надо было дружить съ казаками. Какіе они союзники, одно только воровство отъ нихъ!»—съ сокрушеніемъ думалъ князь.

Подобно прочимъ служилымъ людямъ отправлявшій ратную службу съ помѣстій, князь Пожарскій не могъ, конечно, благосклонно отзываться о казакахъ, шайки которыхъ составлялись большею частью изъ крестьянъ и холоповъ, бѣжавшихъ съ помѣщичьихъ пашенъ.

«Что же дѣлать теперь? Одна была надежда на Ляпунова, а вотъ не судилъ Богъ!»

Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди князя, глаза затуманились.

Послышался ударъ грома, блеснула молнія; надъ опушкой лѣса, что тянулся за полемъ, поползли темныя тучи.

«Вотъ и надъ русской землей словно черная туча нависла, и нѣтъ ни откуда просвѣта! Утомилась земля отъ непрерывной смуты, жаждетъ успокоенія, а успокоенія нѣтъ! Господи, за что такая бѣда на русскую землю? Съ чего оно всё пошло?

Въ долгіе дни вынужденнаго бездѣлья въ который уже разъ князь Пожарскій перебираетъ въ своей памяти событія этихъ послѣднихъ лѣтъ.

Съ чего началось?

Вспоминаетъ онъ гулкіе, заунывные удары кремлевскаго колокола, возвѣстившіе Москвѣ о кончинѣ царя Федора, правившаго землей послѣ смерти своего отца Грознаго царя Ивана IV. Это случилось въ 1598 году, за 13 лѣтъ до описываемаго времени. Неутѣшно плакала Москва надъ трупомъ кроткаго царя монаха. Съ его смертью пресѣклась династія Ивана Калиты, правившая московскимъ государствомъ около 300 лѣтъ. Царь Федоръ умеръ бездѣтнымъ. Послѣ него не осталось и братьевъ, ибо младшій сынъ Грознаго царя, Дмитрій, еще въ 1591 году погибъ отъ руки убійцъ въ Угличѣ, гдѣ проживалъ со своей матерью, царицей Марьей, седьмой женой Грознаго царя. И тогда всѣхъ чиновъ люди, такъ называемый Земскій Соборъ избралъ на царство шурина покойнаго царя, Бориса Годунова. Вотъ съ тѣхъ поръ и началось...

Годуновъ, не хуже Грознаго, началъ преслѣдовать знатныхъ, родовитыхъ бояръ. И ему, князю

Пожарскому, и матери его, пришлось тогда попасть подъ опалу.

За что? Да за то же, видно, за что и Грозный отнялъ у Пожарскихъ ихъ богатыя вотчины, за то, что они, Пожарскіе, принадлежали къ знатному, старинному роду. Ненавидѣлъ Грозный родовитыхъ бояръ и князей, потому что напоминали они ему тѣ времена, когда Московскій князь былъ такимъ же удѣльнымъ княземъ, какъ и ихъ предки, когда онъ дѣлилъ съ ними власть надъ русской землей. А Грозный царь не хотѣлъ ни съ кѣмъ дѣлиться властью, онъ считалъ себя превыше всѣхъ смертныхъ, а власть свою почиталъ дарованной ему отъ Бога. Мѣшали ему потомки удѣльныхъ князей, ополчился онъ на нихъ, ссылалъ, казнилъ, отнималъ ихъ вотчины, а къ себѣ приближалъ людей худородныхъ... И Годуновъ пошелъ по его стопамъ. Но отъ Грознаго терпѣли, потому прирожденный былъ государь, а Годуновъ былъ царемъ выборнымъ; отъ него не хотѣли терпѣть! Большое началось недовольство... Пошли слухи ходить, будто живъ царевичъ Дмитрій, котораго почитали убитымъ въ Угличѣ. а коли живъ, стало-быть ему, а не Годунову, царствовать...

Онъ, князь Пожарскій, уже прощенный Годуновымъ, былъ въ то время назначенъ въ «стряпчіе съ платьемъ», т.-е. долженъ былъ носить и подавать царю дома и на выходахъ различные предметы царской одежды. Но и тутъ пытался Годуновъ унизить его родъ: онъ приказалъ матери князя быть въ боярыняхъ у своей дочери, царевны Ксеніи, въ то время какъ боярыней къ царицѣ назначилъ княгиню Лыкову. Не стерпѣлъ того князь и билъ челомъ царю Годунову, что его ма-

тери нельзя быть ниже княгини Лыковой, потому что родъ Пожарскихъ былъ всегда выше рода Лыковыхъ, а что въ опалѣ отъ государей бывали князья Пожарскіе, такъ это нисколько не понижаетъ ихъ высокой родовой чести!

«Ну, да Богъ ему Судья, недолго повластвовалъ!»—прошепталъ князь, перебирая въ своей памяти дальнѣйшія событія.

Слухи о царевичѣ всё росли, а тамъ и самъ онъ изъ Польши пожаловалъ. Кто былъ этотъ невѣдомый человѣкъ, который назвался покойнымъ царевичемъ Дмитріемъ, Богъ его знаетъ, а только съ той поры замутилась земля, и что дальше, то хуже пошло. Словно какъ всѣ его только и ждали! И города, и уѣзды, и большихъ, и малыхъ чиновъ люди, всѣ его настоящимъ царемъ признали, словно помутилъ Богъ всѣ умы! А о казачествѣ и говорить нечего. Вольные, гулящіе люди всякой смутѣ рады, за всякимъ проходимцемъ пойдутъ, лишь бы приманилъ обѣщаніями! И шелъ невѣдомый человѣкъ къ Москвѣ съ дерзостью невѣроятной... Скоропостижно померъ Годуновъ, но никто не жалѣлъ его. Всѣ, словно солнцу красному, радовались приходу названнаго Дмитрія. Какъ въ чаду прошли одиннадцать мѣсяцевъ его царствованія!

Князь Пожарскій, воспитанный въ строгой приверженности къ старозавѣтнымъ обычаямъ, не могъ добрымъ словомъ помянуть кратковременное царствованіе самозванца, который русской царицей сдѣлалъ польку, католичку Марину, и въ русскую землю привелъ съ собой множество поляковъ, которые высокомѣрно относились къ русскимъ людямъ, презирали ихъ обычаи, кощунствовали въ православныхъ церквахъ.

Но зато съ какими радостными надеждами встрѣчено было княземъ Пожарскимъ вступленіе на престолъ князя Василія Ивановича Шуйскаго. То былъ царь изъ стариннаго знатнаго рода, не то что Годуновъ, потомокъ какого-то татарскаго Мурзы, или царь Дмитрій, выходецъ изъ польской земли и полякъ по обычаямъ и привычкамъ. Царь Василій жаловалъ «породу» и въ угоду боярамъ далъ «запись», по которой обязался никого смертью не казнить *не осудя судомъ со своими боярами;* обѣщалъ не слушать ложныхъ доносовъ и не отнимать вотчинъ, дворовъ и животовъ у родственниковъ осужденныхъ, если эти родственники въ ихъ винѣ были невиновны. Это обѣщаніе царя будило въ потомкахъ удѣльныхъ князей надежды на то, что теперь невозможенъ станетъ произволъ Грознаго и Годунова, направленный противъ нихъ и для нихъ, для родовитыхъ бояръ и князей, настанутъ лучшія времена.

Съ грустью вспоминалъ Пожарскій, что эти надежды не сбылись.

Замутившаяся земля не успокоилась съ восшествіемъ на престолъ Шуйскаго. Поднялись служилые люди малыхъ чиновъ. Не любъ имъ былъ царь изъ бояръ. Привыкли при Годуновѣ и Самозванцѣ лѣзть выше знати. Знали, что царь Василій не допуститъ къ власти людей худородныхъ. А больше того казачество поднялось, бѣглые крестьяне, да холопы. Не по вкусу имъ пришлись тѣ законы царя, которые запрещали крестьянамъ бѣгство съ помѣщичьихъ пашенъ и давали право господамъ сыскивать ихъ и возвращать на мѣста. Нашли какого-то вора, бѣжавшаго изъ тюрьмы, назвали его царемъ Дмитріемъ, который будто бы

спасся отъ смерти, и повели къ Москвѣ добывать престолъ. Опять поляки на помощь пришли, лучшіе военачальники ихъ съ войсками остановились въ 12 верстахъ отъ столицы, въ селѣ Тушинѣ. И началось тутъ разоренье земли! Поляки рады были поживиться въ чужой странѣ, замучили народъ поборами на тушинскаго царя, а казаки, по своему казацкому обычаю, прямо грабили и города и уѣзды. Люди изъ селъ и городовъ побѣжали въ лѣса, потому лютые звѣри казались имъ лучше этихъ разорителей. Большая шатость въ людяхъ началась... Забывъ присягу, бѣжали отъ законнаго государя, Василья Шуйскаго, въ Тушино и присягали Тушинскому Вору, потомъ снова къ царю съ повинной возвращались, а тамъ опять въ Тушино шли... гдѣ выгоднѣе, искали! Родовитые бояре и князья, и тѣ такъ поступали...

Нѣтъ, совѣсть князя Пожарскаго была чиста; такимъ перелетомъ онъ не былъ и ни разу не помыслилъ даже объ измѣнѣ царю Василью. Въ Зарайскѣ, гдѣ онъ былъ нѣкоторое время воеводой, его чуть было не убили за вѣрность Шуйскому, а когда Москва была въ осадѣ отъ Тушинцевъ, онъ, князь, сидѣлъ въ столицѣ и всѣми мѣрами защищалъ царя. Покинутый самыми вѣрными своими слугами, Шуйскій оцѣнилъ преданность князя и пожаловалъ его большими вотчинами въ Суздальскомъ краю, «за его прямую службу, что будучи въ Москвѣ въ осадѣ, въ нужное и прискорбное время противъ враговъ онъ стоялъ крѣпко и мужественно, голодъ и во всемъ оскудѣніе и всякую осадную нужду терпѣлъ много время, а на воровскую прелесть и Смуту ни на которую не покусился, стоялъ въ

твердости разума своего крѣпко и непоколебимо безъ всякія шатости».

Такъ писалъ Василій Шуйскій въ своей жалованной грамотѣ.

Но непоколебимая твердость Пожарскаго не могла спасти царя, противъ котораго поднялась чуть не вся русская земля. Шуйскій былъ сведенъ съ престола и насильно постриженъ въ монахи. А новые цари были уже наготовѣ: Тушинскій Воръ стоялъ почти у самой Москвы, а поляки, согласившись съ нѣкоторыми тушинскими дворянами, выставили новаго кандидата на московскій престолъ, а именно королевича Владислава, сына польскаго короля Сигизмунда. И самъ Сигизмундъ вошелъ уже въ московскіе предѣлы и осаждалъ Смоленскъ. У московскихъ бояръ, которые послѣ сверженія Шуйскаго временно управляли дѣлами государственными, не было средствъ бороться одновременно съ двумя врагами. Нужно было рѣшать: либо Воръ, либо иноземный королевичъ! Воръ! Царь бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ, царь буйной казацкой вольницы, которая громила боярскія и дворянскія усадьбы, нѣтъ, нѣтъ! Полные ужаса передъ этимъ холопьимъ нашествіемъ, бояре предпочли присягнуть польскому королевичу. «Лучше служить иноземному государю, чѣмъ быть побиту отъ своихъ бывшихъ холоповъ»,—говорили они. Самъ патріархъ Гермогенъ, этотъ стойкій ревнитель православія, благословилъ московскій народъ присягать Владиславу, ибо успокоенъ былъ обѣщаніями бояръ, что королевичъ приметъ православную вѣру. Богъ судилъ иначе. Небывалыя дѣла начались...

Князь поникъ головой, словно подавленный тяжкими воспоминаніями.

Не далъ Сигизмундъ сына на московскій престолъ. И пословъ московскихъ, что пріѣхали къ нему подъ Смоленскъ для переговоровъ о крещеніи Владислава, плѣнниками въ Польшу отправилъ. Не далъ сына, потому что самъ захотѣлъ московскимъ царемъ стать.

Король католикъ, ненавистный русскимъ людямъ Сигизмундъ—царь въ православномъ Московскомъ царствѣ! Король, который въ угоду своимъ попамъ будетъ тѣснить православную вѣру и обращать русскихъ людей въ латинство! Господи спаси помилуй... съ ужасомъ думалъ князь, лучше умереть, чѣмъ видѣть такое дѣло. Зачѣмъ Богъ сохранилъ его жизнь на такой позоръ, на такое униженіе? Зачѣмъ не далъ умереть тогда въ Москвѣ въ схваткѣ съ врагами? Словно хозяева, распоряжаются теперь въ Москвѣ поляки, не нынче, завтра Сигизмундъ явится! Понадѣялись бояре на ихъ лживыя обѣщанія, сами впустили въ столицу польскія войска. Впустили на случай защиты столицы отъ Тушинскаго Вора, а оно и лишнее оказалось: Воръ въ скорости погибъ. Зато поляки, войдя въ Москву, захватили власть въ свои руки и ихъ же, бояръ, въ плѣну держатъ...

Еще ниже опустилась голова князя, и краска стыда залила его блѣдное лицо, когда вспомнилъ онъ позорное поведеніе московскихъ бояръ.

«Отъ Сигизмунда вотчины и помѣстья принимаютъ, мѣста въ Думѣ и приказахъ у него выпрашиваютъ и за то его государемъ Московскимъ величаютъ и въ Москву ждутъ. За милости родину

и вѣру православную иновѣрцу католику продаютъ!»

Нѣтъ, князь былъ неспособенъ на такое дѣло. За королевскія подачки не могъ онъ пожертвовать родиной и вѣрой и потому, заслышавъ объ ополченьи Рязанскаго воеводы Прокофія Ляпунова, онъ однимъ изъ первыхъ явился къ нему, чтобы подъ его начальствомъ пойти на избавленіе Москвы отъ поляковъ и отъ тѣхъ русскихъ измѣнниковъ, которые сторону Сигизмунда держали.

Оглушительный ударъ грома прервалъ печальныя воспоминанія князя. На мгновеніе яркій блескъ пронизалъ горницу.

Князь вздрогнулъ и перекрестился.

Вотъ такимъ же громовымъ ударомъ явилась для него теперь и вѣсть о гибели Ляпунова и о распаденіи подмосковнаго ополченія.

Рушились послѣднія надежды. Больше неоткуда ждать спасенія. Бояре въ плѣну у поляковъ и творятъ ихъ волю; дворяне бѣгутъ изъ-подъ Москвы, не справившись съ казаками. Больше некому взяться за дѣло спасенія родины. Погибнетъ Русь! Такія мрачныя мысли проходили въ головѣ князя, не видѣвшаго ни откуда просвѣта для своей, измученной долгой смутой, родины.

Но князь ошибался. Въ русской землѣ, разоренной, униженной, стоявшей на краю гибели, нашлись еще силы, чтобы дать новый отпоръ врагамъ...

ГЛАВА II.

Въ Нижнемъ Новгородѣ.—Грамота отъ патріарха Гермогена.

Перенесемся за 120 верстъ отъ Мугрѣевской вотчины въ одинъ изъ понизовыхъ городовъ Московскаго государства, въ Нижній-Новгородъ.

Что и говорить, красивъ былъ Нижній-Новгородъ, живописно раскинувшійся на горахъ при впаденіи рѣки Оки въ широкую многоводную Волгу! Не даромъ, разсказываетъ преданіе, основатель его, Суздальскій князь Юрій II, любуясь новымъ городомъ, уходилъ мыслью въ далекій Кіевъ, столь дорогой русскимъ князьямъ по воспоминаніямъ. Пораженный сходствомъ Нижняго-Новгорода съ Кіевомъ, князь и монастырь, построенный имъ въ новомъ городѣ, назвалъ *Печерскимъ* и рѣчку, протекающую по одному изъ овраговъ города, назвалъ *Почайной*, какъ въ Кіевѣ.

До появленія русскаго князя здѣсь жило финское племя мордва. Крупныя событія своей жизни народъ долго хранитъ въ памяти и, украшая ихъ вымыслами фантазіи, запечатлѣваетъ въ легендахъ и пѣсняхъ. Такъ и мордва. Въ одной изъ своихъ пѣсенъ она такъ разсказываетъ о появленіи русскаго князя въ своихъ владѣніяхъ:

«По Волгѣ ѣхалъ русскій князь Мурза (такъ называетъ мордовская пѣсня князя Юрія). На ту пору на горѣ Мордва въ бѣлыхъ балахонахъ молилась Богу. Спросилъ Мурза своихъ воиновъ: «что это за березнякъ мотается-шатается, къ землѣ матушкѣ на востокъ приклоняется?» И сказали воины: «то не березнякъ мотается-шатается,

то мордва своему Богу молится; въ бадьяхъ у нихъ стоитъ пиво сладкое, на рычагахъ виситъ яичница, въ котлахъ янберы (жрецы) говядину варятъ»... Узнали старики изъ мордвы, что ѣдетъ русскій князь Мурза и послали ему съ молодыми людьми мяса и пива. Молодые люди мясо дорогой съѣли, пиво выпили, а русскому князю поднесли то, что нашлось подъ руками: землю и воду. Обрадовался князь такому дару, онъ увидѣлъ въ немъ знакъ покорности мордовскаго племени. И поплылъ князь дальше по Волгѣ рѣкѣ, и сталъ бросать на берегъ землю, поднесенную ему опрометчивой мордовской молодежью: гдѣ кинетъ горсть, тамъ быть городу; гдѣ кинетъ щепотку, тамъ быть селу... такъ покорилась русскимъ землямъ мордовская»...

Въ пѣснѣ нѣтъ и намека на возмущеніе Мордвы. Оно такъ и было въ дѣйствительности. Миролюбивыя финскія племена довольно легко покорялись русскимъ князьямъ, когда тѣ, покинувъ запустѣвшій Кіевъ, перебрались въ междурѣчье Оки и Волги, заселенное инородческими племенами.

Проходили годы. Среди другихъ русскихъ княжествъ поднималось и богатѣло Московское княжество, усиливался и забиралъ въ свои руки другія княжества Московскій князь. Нижній Новгородъ былъ основанъ въ 1222 году, а въ 1392 г. подъ стѣнами его появилась уже рать Московскаго князя, которая и подчинила ему городъ. Овладѣвъ Нижнимъ-Новгородомъ, московскіе князья постарались укрѣпить его, построивъ въ немъ Кремль. За Нижнимъ жили еще не замиренныя русскими князьями финскія и татарскія племена,

и укрѣпленный городъ долженъ былъ защищать Русь отъ ихъ вторженій. Такъ въ 16 вѣкѣ къ Нижнему - Новгороду подступили татары, но, не осиливъ крѣпкой Кремлевской стѣны, «ничто же сотвориша, отыде вспять».

Защищая русскіе предѣлы отъ враговъ, Нижній-Новгородъ въ то же время широко развивалъ и торговлю, ибо въ торговомъ отношеніи чрезвычайно удобно было его мѣстоположеніе при сліяніи двухъ рѣкъ. Верхняя Волга несла ему произведенія Московскаго сѣвера, Ока-произведенія центра и юга. И обѣ рѣки несли заморскіе товары, полученные съ западныхъ рубежей. Нижній-Новгородъ пересылалъ ихъ далѣе, по Волгѣ на югъ, а по Камѣ на востокъ и получалъ взамѣнъ товары съ Каспійскихъ и Сибирскихъ рынковъ. Такъ къ началу 17-го столѣтія Нижній представлялъ изъ себя богатый торгово-промышленный городъ. Но въ описываемое время торговля Нижняго-Новгорода пришла въ упадокъ, ибо «ни съ Верху, ни съ Низу, ни съ которыхъ городовъ большихъ соляныхъ и никакихъ судовъ не было». Остановилась такимъ образомъ вся Волжская торговля, ибо ни проходу, ни проѣзду не было торговымъ людямъ отъ повсемѣстныхъ грабежей и разбоевъ польскихъ шаекъ и казачьихъ станицъ. Въ это безпокойное, смутное время почти прекратились мирныя занятія промыслами, и торговые и посадскіе люди Нижняго-Новгорода, разоряясь и сѣтуя на тяжкія времена, спрашивали себя:

«Господи, когда же кончится это безвременье? Когда успокоится земля?».

И зорко слѣдили за тѣмъ, что происходило въ

Москвѣ и подъ Москвой, и въ другихъ городахъ.— Съ ужасомъ узнали они о томъ, что Москва очутилась во власти поляковъ, а московскіе бояре готовы предать Русь польскому королю Сигизмунду. Съ великой скорбью принимали вѣсти о повсемѣстной «шатости» въ городахъ и уѣздахъ. Сами нижегородцы ни разу «на воровкую прелесть и смуту ни на которую не покусились». Когда въ городахъ началось движеніе противъ царя Василья, и тушинскіе отряды явились подъ стѣнами Нижняго-Новгорода съ предложеніемъ присягнуть Тушинскому Вору, они сумѣли дать «ворамъ» рѣшительный отпоръ и остались вѣрны присягѣ царю Василью Шуйскому. Но зато когда въ Нижній пришла изъ Рязани отъ воеводы Ляпунова грамота съ горячимъ призывомъ стать на защиту родины и православной вѣры отъ польскаго плѣненія, нижегородцы съ радостью откликнулись на этотъ призывъ и тутъ же снарядили къ нему подъ Москву свои рати. Какъ горячо молились они тогда, чтобы Богъ далъ побѣду ополченію! Разорила смута въ конецъ, выбила всѣхъ изъ колеи, остановила всѣ дѣла...

Вѣсть о гибели Ляпунова, послѣдовавшей въ концѣ іюля 1611 года, потрясла нижегородскихъ людей не меньше, чѣмъ князя Пожарскаго. Да развѣ однихъ нижегородцевъ поразила гибель мужественнаго, энергичнаго воеводы? Всѣ, кто хотѣлъ успокоенія измученной родинѣ, послѣ этого горестнаго событія съ отчаяніемъ говорили:

«Нѣтъ, видно прогнѣвался Богъ на русскую землю, хочетъ ея погибели!»

И въ самомъ дѣлѣ, было отъ чего придти въ отчаяніе!

1611-й годъ былъ для русской земли наиболѣе тяжелой, безотрадной порой. Произволъ поляковъ въ Москвѣ, униженіе московскихъ бояръ, осада и взятіе Сигизмундомъ Смоленска, взятіе имъ въ плѣнъ главныхъ московскихъ пословъ, князя Голицына и митрополита Филарета, великій пожаръ въ Москвѣ, подожженной на страстной недѣлѣ поляками, пожаръ, отъ котораго выгорѣла почти вся столица, наконецъ появленіе въ Новгородской области новаго врага, шведовъ—все это были такія событія, которыя потрясали умы и томили души тяжкимъ предчувствіемъ близкой погибели.

По словамъ одного современнаго сказанія, «было тогда такое лютое время гнѣва Божьяго, что люди не чаяли себѣ спасенья; чуть не вся земля русская запустѣла... И прозвали старики наши это лютое время *лихолѣтьемъ*, потому что тогда на Русскую землю была такая бѣда, какой не бывало отъ начала міра»...

Передъ русскими людьми встала грозная опасность подпасть подъ чужеземное иго и потерять свою вѣру. Попытка Ляпунова спасти погибающую родину была послѣдней надеждой русскихъ людей. Когда же эта попытка не удалась, и дворянское ополченіе, разбѣжавшись изъ подъ Москвы, разнесло вѣсти о новой бѣдѣ, о страшныхъ неистовствахъ казаковъ, которые, овладѣвъ всѣми правительственными учрежденіями созданными Ляпуновымъ подъ Москвой для управленія страной, стали распоряжаться дѣлами всей земли, изъ «городовъ и съ волостей на казаковъ кормы сбирали», а сами «ѣздили по дорогамъ станицами и побивали», тогда горести русскихъ людей не было предѣловъ.

КОЗЬМА МИНИНЪ.

ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

Одно сочиненіе, написанное какъ разъ послѣ гибели Ляпунова, такъ называемый. «Плачъ о плѣненіи и о конечномъ разореніи Московскаго государства», въ такихъ словахъ передаетъ тягостное настроеніе русскихъ людей отъ сознанія поразившаго ихъ несчастія:

«Кто отъ правовѣрныхъ не восплачетъ, кто рыданія не исполнится, видѣвъ пагубу и конечное паденіе толикаго многонароднаго государства!... Ни едина книга богословецъ ниже житія святыхъ, ни царственныя книги, ни хронографы, ни историки, ни прочія повѣстныя книги не произнесоша намъ таковаго наказанія ни на едину монархію ниже на царства и княженія, еже случися надъ превысочайшею Россіею». И съ отчаяніемъ восклицаетъ авторъ: «кто не исполнится отъ христіанъ плача и рыданія? Кто не ужаснется, толикую скорбь и язву слышавъ о присной по духу братіи своей?»

И кажется ему, что никто уже не въ силахъ вывести русскую землю изъ такого бѣдственнаго состоянія. Одна надежда осталась только на Бога, и потому горячо призываетъ онъ православныхъ молиться, чтобы Господь пощадилъ «останокъ Россійскихъ царствъ, градовъ и весей».

И страстно, горячо молились въ то время люди. Послѣ гибели Ляпунова подъемъ религіознаго чувства достигъ страшнаго напряженія. Въ религіозномъ экстазѣ людямъ чудились видѣнія, слышались небесные голоса. Такъ во Владимірѣ посадская женщина объявила воеводѣ, что ночью являлась къ ней «пречудная жена» и велѣла ей проповѣдывать постъ и молитву, обѣщая, что Богъ услышитъ моленіе и «дастъ земли тишину и благо-

дѣтельное житіе». Въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ было видѣніе нѣкоему человѣку, по имени Григорью. Ночью ему явились два свѣтозарныхъ мужа и приказали проповѣдывать трехдневный постъ и молитву, и тогда очистится государство. И полные глубокой вѣры въ эти видѣнья, люди по городамъ и уѣздамъ молились и постились «три дня и три нощи». Даже скоту не давали пищи... Постъ былъ такъ строгъ, что, по словамъ лѣтописца, «многіе младенцы помираху съ того посту».

Но молитва и постъ, давая измученнымъ душамъ нѣкоторое утѣшеніе, не указывали однако, что нужно было дѣлать для того, чтобы спасти государство, чтобы наступило въ немъ обѣщанное пречудной женой «благодѣтельное житіе». Русскіе люди не знали, гдѣ искать отвѣта на этотъ вопросъ. Кто укажетъ путь? За кѣмъ идти, кому повиноваться? Надъ измученной страной господствовали двѣ власти, польская, находившаяся въ Москвѣ и казацкая подъ Москвой, обѣ желавшія стать правительствомъ. Но большинство русскихъ людей не хотѣло признавать ни той, ни другой, считая ихъ незаконными. А законной власти не было. Государственный порядокъ былъ разрушенъ. Къ кому же было обращаться? Но если палъ государственный порядокъ, зато живъ былъ порядокъ церковный, и во главѣ его стоялъ патріархъ Гермогенъ.

Вотъ къ нему-то и обратились въ это безгосударное время всѣ помыслы русскихъ людей.

Патріархъ Гермогенъ! Въ дни всеобщей растерянности и «шатости» имя его стало произноситься съ особымъ благоговѣніемъ. Благословивъ присягу Владиславу, Гермогенъ скоро однако уразу-

мѣлъ коварные замыслы Сигизмунда и рѣшительно воспротивился введенію польскихъ войскъ въ Москву, пугая бояръ страшными послѣдствіями. Всѣ видѣли, что его предсказанія сбылись. Всѣ знали также, что патріархъ, не взирая на угрозы поляковъ, открыто увѣщавалъ московскихъ людей не склоняться на сторону Сигизмунда. Это онъ благословилъ Ляпунова собрать ополченіе на освобожденіе Москвы отъ поляковъ и самъ вмѣстѣ съ нимъ разсылалъ грамоты по городамъ, увѣщавая православныхъ собирать рати и идти къ Москвѣ на помощь Рязанскому воеводѣ. Знали нижегородскіе люди и то, что поляки и русскіе «вѣрники» Сигизмунда не разъ приступали къ патріарху, чтобы запретилъ онъ Ляпунову идти подъ Москву, но не побоялся патріархъ ихъ угрозъ, и за то держали его въ тѣснотѣ поляки.

«Что же скажетъ теперь, послѣ гибели Ляпунова, этотъ «крѣпкій адамантъ», этотъ стойкій защитникъ вѣры и родины?»

И желая получить отъ патріарха совѣтъ, что дѣлать, нижегородскіе люди отправили къ нему ходоковъ. Однако ходоки, посланные въ концѣ іюля, не возвращались, хотя августъ былъ уже на исходѣ.

Что мудренаго! Трудно пробраться теперь къ Москвѣ. Повсюду рыщутъ казацкія шайки, а въ Москвѣ польская стража опрашиваетъ всѣхъ приходящихъ. Можетъ и не доброе что случилось!

Такъ думали нижегородскіе люди въ тревогѣ за своихъ ходоковъ. Какъ же обрадовались они, когда въ самомъ концѣ августа по городу разнеслась вѣсть, что ходоки пришли живы и невредимы, мало того, грамоту отъ патріарха принесли.

Въ тотъ же день нижегородскій людъ повалилъ на воеводскій дворъ, и скоро народу тамъ набралось видимо-невидимо. Люди облѣпили заборы, крышу воеводскаго дома и сосѣднія постройки. На крыльцо вышли и власти нижегородскія и самъ воевода, князь Василій Андреевичъ Звенигородскій.

Вотъ и ходоки явились, боярскій сынъ Романъ Пахомовъ и посадскій человѣкъ Родіонъ Мосѣевъ. Какъ водится, низко поклонились міру, а потомъ и рѣчь повели, разсказавъ прежде всего о томъ, какого труда стоило имъ добраться до патріарха.

«Въ великомъ утѣсненіи держатъ патріарха проклятые поляки!—говорили они.—Все имущество его разграбили, слугъ у него отняли, а самого изъ патріаршихъ палатъ перевезли на Кириллово подворье, заперли тамъ въ тѣсную, темную келью и приставили стражу... Все за то, что католика Сигизмунда не хочетъ на царство и православныхъ противъ него поднимаетъ»...

Плакали нижегородскіе люди, слушая про такое утѣсненіе чтимаго ими святителя. Но мертвая тишина воцарилась на дворѣ, когда Родіонъ Мосѣевъ передалъ стоявшему на крыльцѣ дьяку грамоту патріарха. «Благословеніе архимандритамъ и игуменамъ, и протопопамъ, и всему святому собору и воеводамъ... и всему міру! Отъ патріарха Ермогена..., читалъ дьякъ громовымъ голосомъ.

Грамота была написана спѣшно. Патріархъ даже не обозначилъ, въ какой городъ её пишетъ. Видно было, что онъ дорожилъ каждой минутой, опасаясь, какъ бы не застала ходоковъ стража. Но то, что не дописано было въ грамотѣ, ходоки дополняли словами.

Гермогенъ сообщалъ нижегородскимъ людямъ страшную новость: казаки, разогнавъ ополченіе, присягнули сыну Тушинскаго Вора, который родился вскорѣ послѣ его смерти, и хотятъ его возвести на московскій престолъ.

Воръ убитъ, а Воренокъ остался!

Цѣлью грамоты и было убѣдить нижегородскихъ людей «отнюдь на царство проклятаго Воренка не хотѣть» и съ казаками ни въ какой союзъ не вступать, потому что дѣла ихъ воровскія, и всякому доброму начинанію они погубители...

«Не надо казачьяго царя, дальше отъ казаковъ, довольно наглядѣлись на ихъ царей самозванныхъ, одно разоренье отъ нихъ землѣ!» раздались голоса въ толпѣ.

Далѣе патріархъ поручалъ нижегородцамъ писать въ Казань, въ Вологду, въ Рязань «да и во всѣ городы» увѣщанія «учительныя грамоты» съ запрещеніемъ присягать Воренку. Для той же цѣли наказывалъ посылать по городамъ своихъ «безстрашныхъ людей», Родіона Мосѣева и Романа Пахомова, кои, не щадя жизни, сумѣли проникнуть къ нему въ тюрьму. Пусть и они его патріаршимъ словомъ говорятъ вездѣ, что проклятый Воренокъ отнюдь не надобѣ».

«А коли пострадаете за это,—прибавлялъ Гермогенъ,—то Богъ васъ на томъ проститъ и разрѣшитъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ». Грамота оканчивалась призывомъ собирать новое ополченіе на защиту родины и православной вѣры и еще разъ увѣщавала не повторять ошибки Ляпунова, не соединяться съ казаками, а всѣми силами бороться съ ними, потому что они еще горшіе враги отечества, чѣмъ поляки.

Грамота патріарха произвела сильное впечатлѣніе на нижегородскихъ людей. Она укрѣпляла въ нихъ враждебное отношеніе къ казакамъ и пробуждала надежду на возможность новой попытки къ спасенію отечества.

«Если патріархъ увѣщаваетъ не отчаяваться и благословляетъ собирать новыя силы на борьбу съ врагами, значитъ, Богъ того хочетъ!»

Но съ чего начать, какъ приняться за дѣло?

Патріархъ, какъ лицо духовное, могъ только благословлять на великое дѣло. Къ тому же онъ лишенъ былъ возможности дѣйствовать, ибо, по выраженію лѣтописца, сидѣлъ въ тюрьмѣ, «аки птица въ заклепѣ». А здѣсь нужна была кипучая дѣятельность и несокрушимая энергія. Нуженъ былъ человѣкъ, который кликнулъ бы кличъ, соединилъ бы, сплотилъ воедино людей, загорѣвшихся горячимъ желаніемъ спасти родину, поддержалъ бы колеблющихся, зажегъ бы вѣрой невѣрующихъ.

Нижегородцамъ не пришлось долго ждать. Такой человѣкъ скоро нашелся.

ГЛАВА III.

Нижегородскій земскій староста Козьма Мининъ-Сухорукъ.

Съ того самаго дня, какъ на воеводскомъ дворѣ была прочитана грамота патріарха Гермогена, нижегородскій земскій староста Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ не знаетъ покоя. Одна и та же дума волнуетъ его и днемъ и ночью.

Кто возьметъ починъ въ великомъ дѣлѣ спасенія родины? Кто подниметъ народъ противъ враговъ? По слову патріарха нижегородскіе люди ра-

зослали грамоты по городамъ съ призывомъ «стать заединъ противъ разорителей государства!» и ходоковъ своихъ послали, чтобы разносили они повсюду слова святителя. Уже отвѣтныя грамоты начали приходить въ Нижній: готовы православные стать противъ враговъ, утомились отъ междоусобицъ, разорились въ конецъ. Пишутъ, житья не стало отъ польскихъ шаекъ, кои рыщутъ по городамъ и селамъ и грабятъ народъ, житья не стало отъ казаковъ, кои цѣлыми станицами появляются въ уѣздахъ и, подъ видомъ сборовъ на дѣло защиты родины, обираютъ и тѣснятъ честной людъ еще хуже поляковъ. Пишутъ города, готовы они стать заединъ противъ разорителей земли; но вотъ ужъ октябрь на дворѣ, а дѣло не подвигается; никто починъ не беретъ. Межъ тѣмъ что ни день, то новыя, страшныя вѣсти приходятъ! Шведы овладѣли Новгородомъ, и новгородскіе люди подписали договоръ, по которому обязывались признать царемъ одного изъ сыновей шведскаго короля. Въ Псковѣ появился новый самозванецъ, какой-то воръ Сидорка, называетъ себя царемъ Дмитріемъ, и народъ уже присягаетъ ему. Польскій король Сигизмундъ празднуетъ взятіе Смоленска и въ Москву собирается, благо московскіе бояре приготовили ему путь къ престолу. А казаки того и жди отобьютъ Москву у поляковъ и своего Воренка въ цари посадятъ. Господи да неужто-жъ дожидаться этого? Сидѣть сложа руки и ждать, пока Сигизмундъ, овладѣвъ Московскимъ престоломъ, начнетъ православныхъ въ латинскую вѣру перекрещивать, или казаки, именемъ своего царя, разорятъ всю землю! Неужто не найдется никого, кто бы первый кликнулъ кличъ и соединилъ бы

всѣхъ воедино на защиту родины? Патріархъ благословилъ на великое дѣло, чего же медлить!

Такъ думалъ Козьма Мининъ. И вотъ однажды пришла ему въ голову такая мысль: ну, а если бы онъ, посадскій человѣкъ, Козьма Мининъ, взялъ починъ, если бы ему кликнуть кличъ среди своихъ посадскихъ людей!

Эта мысль въ первую минуту испугала его. Человѣкъ онъ былъ маленькій, незнатный, неродовитый, простой посадскій, «художествомъ говядарь», мясникъ. Ему ли браться за такое дѣло, когда повыше его люди есть!

А дерзкая мысль настойчиво лѣзла въ голову.

Мининъ былъ уже не молодъ. Всѣ событія послѣднихъ тринадцати лѣтъ, начиная со смерти царя Федора, онъ помнилъ такъ, какъ будто они происходили вчера. Видѣлъ онъ, какъ расшаталось московское государство, какъ измалодушествовался народъ и, присматриваясь къ печальнымъ событіямъ, къ этой быстрой смѣнѣ царей московскихъ, къ этой междоусобной борьбѣ русскихъ людей, онъ, какъ и князь Пожарскій, не разъ съ тревожнымъ недоумѣніемъ спрашивалъ себя:

«Да съ чего-жъ оно все пошло? Что за причина такая, что всѣ люди поднялись другъ противъ друга? Служилые люди,—дворяне, пошли противъ бояръ, бояре противъ дворянъ. Крестьяне и холопы поднялись противъ своихъ господъ, противъ дворянъ помѣщиковъ, противъ бояръ вотчинниковъ. И допрежъ того люди жили не безъ грѣха, и дворяне выше бояръ лѣзли, и помѣщики своихъ крестьянъ и посадскихъ людей тѣснили, всяко бывало! Много несправедливости всякой было, а жизнь шла, какъ она заведена была отцами и

дѣдами. Ужъ на что тяжко приходилось при Грозномъ царѣ! Жаловались втихомолку люди, бѣжали, кому невтерпежъ становилось, ну, а все-таки не поднималась Земля. А тутъ словно прорвало всѣхъ... Такъ по веснѣ: прорветъ плотину и ринется бурный потокъ безъ удержу. И бурлитъ, и пѣнится, и несется невѣдомо къ какимъ берегамъ! Что тому причиной?»

И не находилъ отвѣта на этотъ вопросъ посадскій человѣкъ Козьма Мининъ.

А причины были. Бури и грозы въ жизни народовъ не приходятъ внезапно, и глубоко нужно искать ихъ причины. Такъ и Смута въ московской землѣ. Давно уже подготовлялась она, давно зрѣло повсемѣстное недовольство въ московскомъ государствѣ, недовольство всѣхъ классовъ русскаго общества.

Высшій классъ, родовитые бояре, потомки удѣльныхъ князей, никогда не забывали, что ихъ отцы и дѣды управляли русской землей наравнѣ съ московскимъ княземъ, были равными съ нимъ по власти. Новыя, самодержавныя стремленія московскаго князя, его желаніе властвовать одному безъ совѣтчиковъ, особенно сильно проявленное Грознымъ царемъ, вызывало въ нихъ страшное недовольство. Учрежденная Грознымъ опричнина, отнимая у бояръ ихъ родовыя вотчины, гдѣ у нихъ были связи съ мѣстнымъ населеніемъ, имѣла цѣлью подорвать ихъ силу и матеріальное благосостояніе. Къ тому же были направлены и страшныя гоненія на бояръ, постоянныя ссылки и казни. Все это поселяло въ боярахъ непримиримую ненависть къ тому новому порядку, при которомъ московскіе цари стали приближать къ себѣ людей худород-

ныхъ, ставя заслугу выше породы. Они-то, эти гонимые, унижаемые бояре, и завели Смуту въ московской землѣ, не даромъ Годуновъ рѣшительно заявлялъ, что появленіе перваго Самозванца было ихъ рукъ дѣломъ!

Средній служилый классъ, дворяне-помѣщики, также имѣли много причинъ жаловаться на свое тяжелое положеніе. Со своихъ помѣстій дворяне обязаны были нести ратную службу и по первому требованію правительства должны были являться «конно, людно и оружно», т.-е. въ полномъ вооруженіи и съ опредѣленнымъ количествомъ вооруженныхъ людей. Эту ратную службу они отправляли съ доходовъ, которые въ видѣ оброковъ и разныхъ другихъ повинностей получали съ жившихъ на ихъ помѣстьяхъ крестьянъ. Непрерывная борьба съ татарами, многочисленныя войны съ сосѣдними государствами, съ Польшей и Литвой, въ особенности тяжкія и продолжительныя въ царствованіе Грознаго, требовали отъ дворянъ все большихъ и большихъ расходовъ на ратную службу и заставляли ихъ увеличивать оброки и повинности своихъ крестьянъ. Но отъ увеличивающихся повинностей крестьянскія хозяйства разорялись, а сами крестьяне отъ непомѣрной тяготы разбѣгались съ помѣщичьихъ пашенъ. Помѣщики, оставаясь безъ рабочихъ рукъ, а слѣдовательно и безъ доходовъ, не могли исправно отбывать ратную службу, а требованія правительства все росли... Такъ большинство служилыхъ людей, попадая прямо таки въ отчаянное положеніе, готово было подняться противъ того порядка, который угнеталъ ихъ...

Не лучше приходилось купечеству и тяглымъ

посадскимъ людямъ, которые буквально изнемогали отъ государственныхъ повинностей, которыя главнымъ образомъ падали на этотъ классъ.

А о многочисленной крестьянской массѣ и говорить нечего! Обязанные платить государственныя подати, разоряемые сверхъ того непосильными повинностями въ пользу своего помѣщика, крестьяне становились его неоплатными должниками. Благодаря этой задолженности они лишались права въ поискахъ лучшей доли перейти къ другому владѣльцу и такимъ образомъ прикрѣплялись къ помѣщичьей землѣ. Но теряя право перемѣнить владѣльца, крестьяне отъ невыносимаго житья просто бѣжали отъ своихъ помѣщиковъ, бѣжали туда, гдѣ они становились недосягаемы для своихъ господъ—въ степи привольныя, въ прежепогибшую Украину. Тамъ эти громадныя толпы бѣглыхъ крестьянъ становились вольными, гулящими людьми, казаками, которые при первой возможности готовы были пойти мятежомъ противъ того порядка, который гналъ ихъ съ родины, лишая ихъ земли и воли.

Ко всему этому нужно прибавить страшное недовольство низшихъ классовъ произволомъ государевыхъ слугъ, приказныхъ и областныхъ правителей, немѣстниковъ и волостелей, недовольство корыстолюбіемъ и взяточничествомъ судей, у которыхъ правымъ оказывался только богатый.

Такъ уже къ концу царствованія Грознаго недовольство всѣхъ классовъ русскаго общества достигло крайнихъ предѣловъ. Недаромъ умные, наблюдательные современники были полны мрачныхъ предчувствій и, предвидя всеобщее возстаніе, дѣлали такія почти пророческія предсказанія:

«Начнутся... междоусобныя брани и войны, гибель городовъ, смятеніе и ужасы въ царствѣ; запустѣютъ волости, села, дома христіанскіе... Цари на своихъ престолахъ царскихъ не смогутъ удержаться и часто будутъ смѣняться за свою царскую простоту, за иноческіе грѣхи и за мірское невоздержаніе»...

Такъ писалъ во второй половинѣ 16 ст. авторъ сочиненія подъ названіемъ «Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ», и предсказанія его сбылись почти въ точности. Настало великое смятеніе на Руси!

Но почему же не тогда, не въ царствованіе Грознаго, даже не въ царствованіе сына его Ѳедора поднялась Земля, а лишь послѣ его смерти, окончившей собою династію Ивана Калиты? Не потому ли, что царствованіе Годунова было той послѣдней каплей, которая переполнила чашу всеобщаго недовольства и заставила его неудержимымъ потокомъ разлиться по русской землѣ? А можетъ быть правъ историкъ Ключевскій, который причину тому видитъ во взглядѣ Московскихъ людей того времени на государство Московское и на династію Ивана Калиты.

По мнѣнію историка, московскіе люди 16-го стол. свой взглядъ на Московское государство унаслѣдовали отъ удѣльнаго времени, когда удѣльные князья считались полными хозяевами и распорядителями своихъ удѣловъ, смотрѣли на нихъ, какъ на свои вотчины. Московское государство выросло изъ Московскаго удѣльнаго, княжества, которое его хозяева, князь Иванъ Калита и его сыновья, расширяли и укрѣпляли въ продолженіе почти 300 лѣтъ. Вотъ эти-то государи Калитиной династіи такъ и остались въ глазахъ моковскихъ людей пол-

ными хозяевами и распорядителями Московской земли. Московское государство 16 ст. продолжало пониматься ими «въ удѣльномъ смыслѣ, какъ хозяйство Московскихъ государей, какъ фамильная собственность Калитина племени *); а на себя московскіе люди смотрѣли какъ на его слугъ «чувствовали себя пришельцами въ своемъ государствѣ, случайными, временными обывателями въ чужомъ домѣ». Вотъ почему, какъ ни тяжко приходилось московскимъ людямъ въ царствованіе государей изъ династіи Калиты, имъ и въ голову не приходило поднимать бунтъ противъ нихъ. Ибо когда же слуги и жильцы поднимаются противъ хозяина и заводятъ новые порядки въ его домѣ! Въ случаѣ недовольства они просто уходятъ отъ него. Такъ поступали и недовольные существующимъ порядкомъ московскіе люди, они «не возставали противъ него, а выходили изъ него «брели розно», бѣжали изъ государства», одни за рубежъ въ Литву, какъ князь Курбскій, большинство же за окраины государства, въ степи привольныя, къ тихому Дону.

Но вотъ династія Калиты пресѣклась. Умеръ хозяинъ дома, не оставивъ наслѣдника, и «государство оказалось ничьимъ, люди перестали понимать, что они такое и гдѣ находятся, пришли въ броженіе»... «Что прежде терпѣливо переносили, повинуясь волѣ привычнаго хозяина, то казалось невыносимымъ теперь, когда хозяина не стало» **). Царь, не привычный, наслѣдственный хозяинъ изъ династіи Калиты, а царь выборный,

---

*) Ключевскій. Курсъ рус. ист. ч. III.

**) Ключ. Курс. рус. ист. т. III.

ими самими посаженный Годуновъ, не могъ, сдержать взрыва всеобщаго недовольства, и всѣ классы Московскаго общества поднялись и заговорили о своихъ нуждахъ и стремленіяхъ, чтобы облегчить свое положеніе въ государствѣ; не сдерживаемые больше присутствіемъ привычнаго хозяина, заговорили требовательно, настойчиво.

Но тутъ-то и оказалось, что эти нужды и требованія у всѣхъ классовъ были разныя, мало того противоположныя. Трудно было согласить ихъ и то, чего добивался одинъ классъ, совсѣмъ невыгодно было для другого класса. Такъ крестьяне добивались земли и воли, требовали свободы перехода отъ одного помѣщика къ другому, а помѣщики, наоборотъ, добивались, чтобы земля была въ ихъ рукахъ и чтобы крестьяне совсѣмъ были лишены свободы перехода. Боярство, кичливое свой «породной», стремилось дѣлить власть съ царемъ и вмѣстѣ съ нимъ управлять землей, стараясь всячески оттѣснить отъ престола средній служилый классъ, а средній служилый классъ, напротивъ, добивался власти для себя, ставя заслугу выше «породы». Посадскіе люди не могли согласить свои требованія съ требованіями служилыхъ людей и т. д.

Эти противоположные интересы и требованія, столкнувшись между собой, вызвали ожесточенную непримиримую борьбу между различными классами почти въ каждомъ городѣ, въ каждомъ уѣздѣ московскаго государства. Борисъ Годуновъ, названный Дмитрій, Василій Шуйскій, Тушинскій Воръ, королевичъ Владиславъ, всѣ эти цари, по выраженію Ключевскаго, «были только знаменами, подъ которыми шли другъ на друга разные

классы русскаго общества». Не даромъ побѣда одного класса влекла за собой возведеніе на престолъ царя, выставленнаго этимъ классомъ, а за побѣдой другого класса слѣдовало убійство или сведеніе съ престола этого царя.

И только страшная, общая для всѣхъ классовъ опасность, подпасть подъ власть чужеземцевъ поляковъ и потерять свою вѣру, заставила наконецъ всѣ классы подумать о спасеніи отечества и о водвореніи въ немъ порядка.

Не легкое это было дѣло водворить порядокъ въ землѣ, когда вся она находилась въ броженіи! Хорошо понималъ это и посадскій человѣкъ Козьма Мининъ. Не даромъ испугался, когда въ голову ему пришла мысль самому положить починъ великому дѣлу и кликнуть кличъ среди своихъ посадскихъ людей.

«Что и говорить, мудреное дѣло! Брались за него большихъ чиновъ люди, бояре, да дворяне, а что вышло! Бояре думали, коли иноземнаго королевича на царство посадятъ, такъ порядку больше будетъ, анъ вышло сами въ плѣнъ попали, и Москву иноземцамъ предали! Опять же рязанскій воевода Ляпуновъ не маленькій былъ человѣкъ, первостатейный дворянинъ! Сказывали ратные люди будто говаривалъ онъ: «коли бояре не сумѣли успокоить землю, такъ теперь намъ, дворянамъ, за это дѣло надо взяться, потому послѣ бояръ мы первые люди въ государствѣ». Ну а тоже вышло неладное. Только хуже сдѣлали дворяне! Собрали подъ Москву казаковъ, это преопасное зелье, которое разъѣдаетъ силы земли пуще поляковъ, а сами разбѣжались... Ужъ коли такихъ большихъ чиновъ люди не сумѣли успо-

коить землю, такъ имъ-ли, посадскимъ людямъ, людямъ маленькимъ, браться за такое дѣло!»

А голосъ въ душѣ упорно говорилъ:

«Коли бо̀льшіе въ это дѣло не внидутъ, стало быть, чередъ за ними, мѐньшими! Не грѣхъ ли это великій сидѣть сложа руки, когда насталъ ихъ чередъ спасать отечество»...

Такъ думалъ Козьма Мининъ, волнуемый противоположными чувствами. То казалось ему, что голосъ, призывающій его къ великому дѣлу—искушеніе, дьявольское навожденіе, и тогда онъ горячо молился:

«Господи, отжени отъ меня всякаго врага и супостата! Не дай впасть въ искушеніе!»

То чудилось, что долженъ онъ, посадскій человѣкъ, Козьма Мининъ, немедля пойти къ людямъ и поднять ихъ на великое дѣло, и онъ снова молился:

«Господи, помоги, поддержи! Научи, что дѣлать!»—Изнуренный постомъ и молитвой и долгими, безсонными ночами, Мининъ началъ просить у Бога, чтобы въ сновидѣніи открылъ Онъ ему свою волю. Почему бы и не такъ? Вѣдь вотъ удостоился же нѣкій Григорій видѣнья, открылъ черезъ него Богъ людямъ свою волю, приказалъ поститься...

И дивились посадскіе люди на своего старосту, не узнавали его: измѣнился, съ лица спалъ, глаза горѣли, словно въ лихорадкѣ. Спросятъ его что-либо, будто не слышитъ, словно о другомъ о чемъ думаетъ, или къ чему прислушивается. Всѣ видѣли, что неладное творится съ человѣкомъ. И никто не думалъ, что услышитъ отъ него то, что пришлось услыхать черезъ нѣсколько дней!...

ГЛАВА IV.

Выступленіе Минина. — Его рѣчь къ посадскимъ. — Движеніе въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Въ земской избѣ, куда посадскій тяглый міръ сходился для рѣшенія своихъ дѣлъ, въ одинъ холодный день начала октября собралось множество народу. Нижегородскіе посадскіе люди пришли обсудить грамоту, полученную въ Нижнемъ изъ Троице-Сергіева монастыря.

Написанная витіеватымъ языкомъ, со ссылками на божественное писаніе, грамота призывала нижегородскихъ людей идти подъ Москву на очищеніе Земли. Указывая на разореніе Московскаго государства отъ поляковъ и тѣхъ русскихъ измѣнниковъ, кои вмѣстѣ съ ними руку Сигизмунда держали, грамота восклицала: «сами видите конечную отъ нихъ погибель всѣмъ христіанамъ, видите, какое разореніе учинили они въ Московскомъ государствѣ. Гдѣ святыя Божіи церкви и Божіи образы? Гдѣ иноки, сѣдинами цвѣтущіе, инокини, добродѣтелями украшенныя? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Не пощажены ни старики, ни младенцы грудные. Помяните и смилуйтесь надъ видимою общею смертною погибелью, чтобы васъ самихъ не постигла также лютая смерть. Пусть служилые люди безъ всякаго мѣшканья спѣшатъ къ Москвѣ, въ сходъ къ боярамъ, воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ... Смилуйтесь, сдѣлайте это дѣло поскорѣе, ратными людьми и казною помогите, чтобы со-

бранное теперь здѣсь (подъ Москвой) войско отъ скудости не разошлось».

Нижегороды прекрасно знали, что тѣ «бояре, воеводы и православные христіане», которые пришли на помощь Ляпунову и вмѣстѣ съ нимъ стояли за успокоеніе земли, давно разбѣжались изъ-подъ Москвы, устрашенные неистовствами казаковъ, «разыдоша бо ся тогда вся отъ насилія казаковъ». Подъ Москвой же остались только тѣ бояре и воеводы, которые свое боярство да воеводство отъ казацкаго царя, Тушинскаго Вора, получили и теперь его Воренку присягаютъ. Стало быть, грамота прямо звала на помощь казакамъ! Этого и не скрывали составители грамоты.

Сообщая важное извѣстіе о томъ, что къ Москвѣ на помощь полякамъ идетъ польскій гетманъ Ходкѣвичъ съ большимъ войскомъ, троицкіе монахи прибавляли, что одинъ изъ казацкихъ воеводъ, князь Дмитрій Трубецкой «съ товарищи и со всѣми атаманы писали въ Троице-Сергіевъ монастырь со многимъ моленіемъ о свинцу и о зеліи (порохѣ) и паки моляще, чтобы изъ монастыря писали грамоты во всѣ городы о помощи»...

Исполняя это казачье моленіе, составители грамоты и умоляли нижегородскихъ людей всѣ дѣла отложить на время и поспѣшить въ подмосковный лагерь съ ратными людьми и казною, «пока врагамъ подмога не пришла».

Нижегородскіе люди не знали что̀ и думать! Такая же грамота была получена въ Нижнемъ изъ Троицкаго монастыря еще въ іюлѣ мѣсяцѣ. Троицкіе монахи также увѣщевали нижегородскихъ людей идти на помощь подмосковному ополченію. Но тогда во главѣ его стоялъ Ляпуновъ, ревностный защит-

никъ родины. Тогда, конечно, нужно было идти на помощь. А теперь, когда его не стало, когда ополченцы разбѣжались, а казаки, оставшись подъ Москвой, показали свое воровство, идти къ нимъ на помощь!

Нижегородскіе люди были въ полномъ недоумѣніи. Къ тому же троицкая грамота явно противорѣчила грамотѣ патріарха Гермогена, который увѣщевалъ, ради спасенія родины, отнюдь съ казаками въ союзъ не вступать, ибо они такіе же враги отечества, какъ и поляки.

Глубоко чтили нижегородцы патріарха Гермогена за его стойкость и мужество, проявленныя имъ противъ поляковъ, но вѣдь и Троицкая обитель стяжала себѣ право на глубокое уваженіе русскихъ людей. Они блистала на всю Русь именемъ своего основателя, преподобнаго Сергія, она прославилась въ царствованіе Шуйскаго геройской защитой своихъ стѣнъ отъ польскаго гетмана Сапѣги. Въ тяжелую годину бѣдствій она несла помощь родинѣ и людьми, и богатой казной... Какъ же такъ? Почему такое разногласіе въ грамотахъ? Кого слушать, кому слѣдовать?

«Люди нижегородскіе, неладное писано въ Троицкой грамотѣ!» —вдругъ раздался громкій, рѣшительный голосъ.

Всѣ обернулись на этотъ голосъ.

Изъ толпы выступилъ Козьма Мининъ. Лицо его было блѣдно. Глаза горѣли внутреннимъ огнемъ. Казалось, онъ не замѣчалъ окружающихъ. Взглядъ его былъ устремленъ прямо передъ собой, словно видѣлъ онъ тамъ вдали кого-то, кто приказывалъ ему говорить.

«Люди нижегородскіе, не вѣдаемъ мы того,

почему троицкая братія зоветъ насъ на помощь къ казакамъ, а только не слѣдъ намъ идти къ нимъ. Дѣла казацкія мы видѣли, погибель Ляпунова не забудемъ. Коли бѣгутъ отъ нихъ служилые люди, стало быть, не быть имъ вмѣстѣ съ ними!»

«Правильно говоритъ Козьма Захарычъ! Не идти къ казакамъ! Враги они Земли русской, разорители!»—раздалось со всѣхъ сторонъ.

То, что думали всѣ, но не рѣшались высказать изъ уваженія къ Троицкой обители, то было сказано твердо и рѣшительно Мининымъ. И тогда всѣ заговорили разомъ, горячо поддерживая его слова:

«Не идти на помощь къ казакамъ, а бороться съ ними, потому, враги они отечества не лучше поляковъ»...

А Мининъ продолжалъ:

«Будемъ слушать патріарха Гермогена, потому заступникъ онъ и мученикъ за православную вѣру, оттликнемся на его призывъ! Станемъ собирать рати, не будемъ дожидаться, пока враги овладѣютъ Землею русской и приведутъ ее къ конечной погибели. Я знаю, только мы на это дѣло подвигнемся, такъ и многіе города къ намъ пристанутъ, и тогда мы избавимся отъ иноплеменниковъ. Великое дѣло — спасти родину отъ конечнаго разоренія, и Богъ поможетъ намъ свершить его, я знаю это!»

Необыкновенной увѣренностью звучалъ голосъ Минина. Казалось, исчезли всѣ сомнѣнія, которыя терзали его душу въ послѣднее время. Словно онъ и въ самомъ дѣлѣ въ сновидѣньи услыхалъ желанный голосъ свыше, который ему, маленькому

человѣку, приказалъ кликнуть кличъ и «разбудить спящихъ». Глубокая вѣра въ успѣхъ дѣла, звучавшая въ его словахъ, передавалась толпѣ, заражала ее. Къ тому же эти слова говорилъ человѣкъ, уважаемый всѣми. Должность земскаго старосты была не по назначенію отъ правительства, а выборная: по уставнымъ грамотамъ посадскіе люди всѣмъ посадомъ должны были въ излюбленные земскіе старосты выбирать межъ себя людей *добрыхъ* и просужихъ, которые бъ душою были прямы, и всѣмъ имъ, посадскимъ людямъ любы». И Козьма Мининъ вполнѣ оправдалъ довѣріе своихъ выборщиковъ. Одной изъ обязанностей земскаго старосты было собирать подати, раскладывая ихъ сообразно съ достаткомъ плательщиковъ. Козьма Мининъ выполнялъ эту обязанность съ большой справедливостью, не мирволилъ богатымъ, не обижалъ бѣдныхъ. И посадскіе цѣнили эту честность своего старосты и во всемъ вѣрили ему.

Наконецъ рѣчь Минина, полная горячаго воодушевленія, вполнѣ отвѣчала настроенію нижегородскихъ людей, которые готовы уже были подняться на защиту родины и, казалось, только ждали призыва къ тому. И вотъ этотъ призывъ раздался наконецъ. «Какая хвала будетъ всѣмъ намъ отъ русской земли, что отъ такого малаго города, какъ нашъ, произойдетъ такое великое дѣло!»—горячо воскликнулъ Мининъ. «Но что же нужно дѣлать, съ чего начать? Они готовы!»—говорили всѣ лица въ отвѣтъ на эти слова.

«Ополчаться не медля,—отвѣчалъ Мининъ.—Мы, посадскіе люди, не искусны въ ратномъ дѣлѣ. Такъ кликнемъ кличъ по вольныхъ, служилыхъ людей!»

«Но служилые люди даромъ не пойдутъ на службу, а казна оскудѣла у всѣхъ»...

«Коли захотимъ спасти Московское государство отъ погибели, такъ найдемъ и казну на ратныхъ людей! Кто хочетъ помочь отечеству, не долженъ ничего жалѣть для великаго дѣла, ни имущества, ни жизни. Коли понадобится, и дворы продадимъ, и женъ и дѣтей заложимъ! Я убогій человѣкъ, есть у меня 300 рублей, и вотъ я 100 руб. изъ нихъ приношу на великое дѣло».

Козьма Мининъ вынулъ изъ-за пазухи кожаную сумку и вынулъ изъ нея деньги.

«Сдѣлайте и вы то же, дайте третью деньгу изъ того, что̀ имѣете!»

Видя такое рвеніе своего старосты, посадскіе люди, въ порывѣ одушевленія, начали тутъ же выкладывать на столъ деньги, кто сколько могъ, но Мининъ остановилъ ихъ. Въ немъ сказался опытный и справедливый сборщикъ податей.

«Во всякомъ дѣлѣ нуженъ порядокъ,—сказалъ онъ,—слѣдуетъ обложить людей такъ, чтобы каждый давалъ сообразно со своимъ достаткомъ, съ кого сколько придется... казны понадобится много»...

И тутъ же посадскіе люди обложили себя особымъ сборомъ, третьей частью съ имущества, на «строеніе ратныхъ людей».

Вѣсть о томъ, что̀ произошло въ земской избѣ, быстро разнеслась по городу:

«Посадскій человѣкъ кликнулъ кличъ! Посадскіе тяглые люди поднимаются, собираютъ казну для спасенія отечества!»

Люди высшихъ слоевъ нижегородскаго общества, власти, духовенство, служилые люди, дѣти

боярскіе, заговорили объ этомъ и, собираясь между собою, начали думать, что имъ дѣлать.

Тогда глава нижегородскаго духовенства, протопопъ Спасо-Преображенскаго собора, Савва Ефимьевъ, колокольнымъ звономъ созвалъ въ соборъ нижегородскихъ людей всѣхъ чиновъ и послѣ обѣдни уже ко всему населенію, а не къ однимъ тяглымъ людямъ, обратился съ такой рѣчью:

«Православные христіане, горе намъ! Пришли дни конечной гибели нашей. Гибнетъ наше Московское государство, гибнетъ и православная вѣра. Горе намъ, великое горе, лютое обстояніе! Литовскіе и польскіе люди въ нечестивомъ совѣтѣ своемъ умыслили Московское государство разорить и обратить истинную вѣру Христову въ латинскую многопрелестную ересь. Кто не восплачется, кто не испуститъ источники слезъ? Ради грѣховъ нашихъ Господь попустилъ врагамъ нашимъ возноситься. Горе нашимъ женамъ и дѣтямъ! Еретики разорили до основанія богохранимый градъ Москву и предали всеядному мечу дѣтей ея. Что̀ намъ творить? Не утвердиться ли намъ на единеніе и не постоять ли за чистую и непорочную Христову вѣру»...

И горячо призывалъ всѣхъ Савва Ефимьевъ поддержать дѣло̀, начатое посадскими людьми. Единодушное согласіе было отвѣтомъ на эту рѣчь.

Такъ высшіе классы Нижегородскаго общества послѣдовали за людьми тяглыми, которыхъ лѣтописецъ называетъ «Московскаго государства послѣдними людьми». Эти «послѣдніе люди» и взялись теперь за то трудное дѣло спасенія родины, съ которымъ не справились ни московскіе бояре, ни дворяне Ляпуновскаго ополченія.

Приговоръ посадскихъ людей о собиранiи казны и наймѣ ратныхъ людей былъ принятъ высшимъ слоемъ нижегородскаго населенiя и повелъ къ образованiю въ городѣ особаго «приказа» для организацiи рати и ея хозяйства. Но для рати нуженъ былъ военачальникъ, воевода. Кого же выбрать въ воеводы? Конечно, «мужа честна, который въ ратномъ дѣлѣ былъ бы искусенъ и въ измѣнѣ не явился». Главное, чтобы въ измѣнѣ не явился! Нижегородцы, сами ни разу во все время смуты не уклонившiеся въ «воровство» и воеводу хотѣли съ такимъ же незапятнаннымъ прошлымъ. Но кого? Въ то время людей, ни разу не замѣшанныхъ въ воровствѣ, почти не было въ Московскомъ государствѣ.

Мининъ и тутъ выручилъ. Онъ указалъ на князя Дмитрiя Михаиловича Пожарскаго.

О князѣ Пожарскомъ слыхали въ Нижнемъ. Припомнили его вѣрность Шуйскому, его стойкость въ борьбѣ съ Тушинскимъ Воромъ, вспомнили, какъ мужественно, до потери силъ, бился онъ въ Москвѣ съ поляками. На немъ и согласились нижегородскiе люди, и тутъ же снарядили къ нему посольство.

ГЛАВА V.

Нижегородскiе послы въ Мугрѣевѣ. — Согласiе князя Пожарскаго стать воеводой ополченiя.

Нижегородское посольство прибыло въ Мугрѣево въ серединѣ октября. Посольство состояло «изо всѣхъ чиновъ всякихъ лучшихъ людей». Во

главѣ его находился архимандритъ печерскаго монастыря Ѳеодосій.

Князь Пожарскій въ то время уже совершенно оправился отъ ранъ. Онъ принялъ пословъ съ честью, но не подозрѣвалъ цѣли ихъ посѣщенія. О томъ, что̀ затѣвалось въ Нижнемъ, ему еще не было извѣстно, и потому съ радостнымъ изумленіемъ слушалъ онъ ихъ разсказъ. А послы говорили обо всемъ подробно, какъ оно всё съ самаго начала вышло; какъ рѣчь держалъ въ земской избѣ Козьма Захарычъ, какъ зажегъ онъ сердца посадскихъ людей, какъ потомъ пристали къ нимъ нижегородскіе люди другихъ чиновъ, служилые люди, воеводы, духовенство. Разсказали послы о грамотахъ, которыя отправлены были изъ Нижняго по сосѣднимъ городамъ и уѣздамъ съ воззваніемъ стать на защиту родины, говорили о томъ, съ какой готовностью откликнулись города и уѣзды, спрашивая въ своихъ отвѣтныхъ грамотахъ, когда начало дѣлу.

Слушалъ князь эти вѣсти, и въ сердцѣ его загоралась надежда.

«Господи, кабы такое дѣло!—думалъ онъ.—Неужто не все еще погибло! Неужто въ истерзанной, измученной землѣ нашлись еще силы, чтобы взяться за спасеніе родины!»

Да, нашлись! Объ этомъ свидѣтельствовали то горячее воодушевленіе, съ которымъ разсказывали нижегородскіе люди о начинающемся движеніи въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Слова ихъ звучали вѣрой въ успѣхъ новаго начинанія.

«За небольшимъ дѣло, князь,—сказали они наконецъ,—начальникъ рати нуженъ, воевода опол-

ченію, чтобы въ ратномъ дѣлѣ былъ онъ искустенъ и чтобы въ измѣнѣ не являлся».

«Да, да, чтобы въ измѣнѣ не являлся! Это самое главное»...—поддержалъ Пожарскій.

«И всѣмъ міромъ намѣтили мы, князь, воеводу, и Козьма Захарычъ намъ на него указалъ... отъ всего города Нижняго бьемъ тебѣ челомъ, князь, будь воеводой новаго ополченія, помоги рати устроить! На тебя одна надежда!»

Не ждалъ этого князь. И во снѣ ему не снилось, чтобы за такое большое дѣло браться. Вѣдь онъ еще былъ совсѣмъ молодъ. Воевода Ляпуновъ много старше былъ, опытнѣе въ дѣлахъ, смѣлостью и храбростью Богъ надѣлилъ его невѣроятной, а что̀ вышло!

Нѣтъ, не чувствовалъ въ себѣ князь рѣшимости взять начальство въ такомъ великомъ дѣлѣ, такъ и посламъ сказалъ.

А послы не отступали. Они восхваляли ратныя доблести князя, превозносили его вѣрность разъ данной присягѣ, ставили ему въ заслугу, что онъ въ эти смутныя времена ни Тушинскому Вору, ни всякимъ другимъ ворамъ не присягалъ, ни къ Сигизмунду не прислуживался, какъ иные, прочіе бояре, да князья...

Лестно было князю слушать эти рѣчи, однако согласія онъ не давалъ.

Нѣсколько дней прожили въ Мугрѣевѣ послы Нижегородскіе, слезно умоляя князя согласиться. Уговорилъ архимандритъ Ѳеодосій.

«Грѣхъ тебѣ, князь, отказываться, коли міръ тебя проситъ,—сказалъ онъ.—Опять же грамоты, что̀ приходятъ въ Нижній изъ городовъ и уѣздовъ, спрашиваютъ: кто воеводой будетъ въ опол-

ченіи, къ кому рати направлять? Коли напишемъ, что мы еще не въ сборѣ и нѣтъ у насъ начальника, сомнѣнье пойдетъ по городамъ... А какъ узнаютъ, что ты, князь, не пошелъ къ намъ въ воеводы, такъ, пожалуй, и вѣры не дадутъ нашимъ грамотамъ. Что-жъ и идти, скажутъ, коли еще нѣтъ ничего! А тамъ и горячность въ людяхъ пройдетъ... Глядишь, вѣтеръ въ другую сторону подуетъ, самъ знаешь, какая нынче шатость въ людяхъ! Опять же и время не терпитъ. Казаки и Сигизмундъ ждать не станутъ, пока мы воеводу найдемъ, того и гляди въ Москву пожалуютъ, коли промедлимъ»...

Нѣтъ, нѣтъ, медлить нечего, нужно ковать желѣзо, пока горячо, нужно собирать рати, пока не остыла готовность въ городахъ, пока какой-нибудь новый самозванецъ не увлечетъ ихъ въ новую измѣну...

Князь понималъ всю справедливость словъ архимандрита; они поколебали его. Ему и помыслить было страшно, что онъ, хотя и невольно, можетъ послужить причиной новыхъ несчастій для родины.

Коли такъ, пусть будетъ, что̀ будетъ! Можетъ, и впрямь, когда родина гибнетъ, не время размышлять о томъ, хватитъ ли силъ, а слѣдуетъ отдать на служеніе ей тѣ силы, какія есть, всѣ безъ остатка, а тамъ, будь, что̀ будетъ!

Только одного не хотѣлъ князь. Онъ рѣшительно отказался взять на себя завѣдываніе казной, которая будетъ поступать съ тяглыхъ посадскихъ людей на содержаніе ополченія. Обычно, воевода бывалъ полнымъ распорядителемъ той казны, которую собирали города и уѣзды на ратныя нужды. Но князю хорошо было извѣстно, что изъ-за этого

часто происходили большія нареканія на воеводъ. Ихъ подозрѣвали, и нерѣдко вполнѣ основательно, въ неправильномъ и своекорыстномъ расходованіи земской казны.

Князь не хотѣлъ навлекать на себя никакихъ подозрѣній въ нечестномъ пользованіи деньгами, собранными на великое дѣло спасенія родины и потому онъ сказалъ:

«Пускай тяглые посадскіе люди, на которыхъ будетъ падать главная тягота по содержанію ратей, пускай они сами и завѣдуютъ денежными дѣлами черезъ своего выборнаго человѣка. Долго искать имъ такого человѣка не придется. Нижегородскій посадскій міръ вѣритъ своему земскому старостѣ, Козьмѣ Захарычу, пусть его и выберетъ собирать и хранить казну, благо такое дѣло ему за обычай. Пускай онъ и будетъ съ нимъ, съ княземъ, у великаго дѣла, съ нимъ вмѣстѣ и къ Москвѣ пойдетъ!»

Послѣ такихъ рѣчей князя посольство выдѣлило изъ себя нѣсколько человѣкъ и немедленно отправило ихъ въ Нижній-Новгородъ, чтобы передать тамъ рѣшеніе князя. А въ скорости посланные и съ отвѣтомъ вернулись.

«Не сразу,—разсказывали они, согласился Козьма Мининъ стать «складчикомъ», т.-е. завѣдующимъ раскладкой, взиманіемъ и храненіемъ денежныхъ сборовъ. Онъ потребовалъ отъ нижегородскихъ людей приговора за ихъ подписями.

Посланные привезли и самый приговоръ, который Мининъ посылалъ князю, какъ будущему воеводѣ.

Въ этомъ приговорѣ нижегородскіе люди давали обѣщаніе «Минина и князя Пожарскаго во

всемъ слушаться, ни въ чемъ не противиться, давать деньги на жалованье ратнымъ людямъ, а денегъ не достанетъ, могутъ отбирать имущество и дворы; женъ и дѣтей закладывать, а ратнымъ людямъ давать, чтобы имъ скудости не было».

Такой приговоръ окончательно укрѣпилъ князя въ его рѣшеніи стать во главѣ новаго ополченія.

«Стало быть, велика въ людяхъ готовность спасти родину, думалъ онъ, коли согласны всѣмъ пожертвовать, коли подъ такимъ приговоромъ подписались!»

Понялъ князь и то, почему Мининъ поспѣшилъ прислать ему этотъ приговоръ: очевидно, онъ опасался, какъ бы нижегородскіе люди не испугались тѣхъ страшныхъ обязательствъ, которыя брали на себя, и не взяли приговора обратно.

«Козьма Захарычъ не медлитъ, не даетъ остыть людямъ, — думалъ князь, перечитывая приговоръ, — правильно онъ поступаетъ! Съ Богомъ, за дѣло!»

Нижегородскіе послы, заручившись согласіемъ князя, покинули Мугрѣево, а черезъ нѣсколько дней князь съ небольшимъ отрядомъ вооруженныхъ слугъ ѣхалъ въ Нижній по главной дорогѣ, что шла изъ Суздаля.

Осень 1611 года выдалась ненастная, дождливая. Пути всѣ размыло, и кони съ трудомъ тащились по непролазной грязи.

Князь и его слуги ѣхали верхомъ, а за ними двигались калымаги и нѣсколько обозовъ съ военными припасами.

День приходилъ къ концу. Становилось уже темно. Вдругъ передъ глазами князя засверкали огоньки.

Это Нижній-Новгородъ, конецъ его пути!

Огоньки все ближе. Много ихъ разсыпалось по горѣ.

И вдругъ странное, жуткое чувство охватило князя, сомнѣнье въ себѣ, страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ.

Невольнымъ движеніемъ осадилъ онъ коня, словно не рѣшаясь въѣхать въ городъ, откуда, зналъ онъ, возврата назадъ уже не можетъ быть. Остановились и слуги, не понимая, что̀ означало это движенье князя.

«Нѣтъ, прочь малодушныя думы! Земля призываетъ его къ великому дѣлу, и Господь поможетъ ему!»

И князь, пришпоривъ коня, снова пустилъ его впередъ.

Было уже совсѣмъ темно, когда новый воевода въѣзжалъ въ Нижній-Новгородъ.

ГЛАВА VI.

Устройство новаго ополченія въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Пожарскій пріѣхалъ въ Нижній-Новгородъ въ концѣ октября. Въ то время Козьма Мининъ уже дѣлалъ свое дѣло: «посадскихъ, торговыхъ и всякихъ людей *окладывалъ*, съ кого что денегъ взять, смотря по пожиткамъ и по промысламъ». Окладыванье происходило на мірскомъ собраньи въ присутствіи всѣхъ плательщиковъ, которые должны были другъ про друга сказывать правду, у кого какіе достатки и какіе промыслы.

Козьма Мининъ не даромъ заручился приговоромъ, который давалъ ему право силой отбирать у плательщиковъ ихъ «животы». Человѣкъ опыт-

ный въ дѣлѣ собиранія податей, онъ зналъ, какъ туго поступали сборы въ это разорившее всѣхъ смутное время. Могъ пройти тотъ горячій порывъ, когда послѣ рѣчи его въ земской избѣ со стороны нижегородскихъ людей посыпались пожертвованія, и тогда что̀ сталось бы съ задуманнымъ имъ дѣломъ! Ибо нельзя было безъ казны достать ратныхъ людей, а въ дѣлѣ спасенія родины отъ враговъ ратныя силы были нужнѣе всего. Теперь же, съ приговоромъ въ рукахъ, онъ уже никому не давалъ поблажки, не допускалъ никакихъ льготъ, никакихъ отсрочекъ, обложилъ сборомъ даже монастыри и церковниковъ съ ихъ землями, что дѣлало государство только въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Словомъ, онъ собиралъ положенные оклады безъ послабленія, а по выраженію современника, «съ Божіею помощью и страхъ на лѣнивыхъ налагая». Такая строгость Минина въ дѣлѣ собиранія казны дала поводъ нѣкоторымъ историкамъ обвинить его въ непомѣрной жестокости. Говорили даже, будто онъ завелъ торговлю людьми, «пустилъ въ торгъ бѣдняковъ», чтобы вырученныя за нихъ деньги обратить на «очищеніе» государства.

Такъ ли это было? Лѣтописцы не даютъ на то указаній; не приводятъ они и случаевъ, когда бы Мининъ заставилъ нижегородскихъ людей въ точности исполнить слова приговора о закладываніи женъ и дѣтей.

«Заложимъ женъ и дѣтей!» Надо думать, что этими словами Мининъ хотѣлъ только сказать, что не нужно останавливаться ни передъ какими жертвами для спасенія отечества. Что же касается до строгости при собираніи окладовъ, то, по словамъ

историка Платонова, въ этомъ отношеніи онъ слѣдовалъ обыкновенному порядку мірской раскладки, по которому окладчики могли грозить нерадивымъ и строптивымъ различными мѣрами взысканія и имѣли право брать у воеводы приставовъ и стрѣльцовъ для понужденія ослушниковъ». Такъ и въ приговорахъ, при выборѣ земскаго старосты нерѣдко писалось: «намъ, мірскимъ людямъ, его старосты во всякихъ мірскихъ дѣлахъ слушати, а не учнемъ его слушати, и ему насъ вольно и неволею къ мірскому дѣлу нудити».

Почти одновременно съ приходомъ Пожарскаго въ Нижній явились туда служилые люди изъ-подъ Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы. Выгнанные со своихъ помѣстій нашествіемъ Сигизмунда, они блуждали по Руси, ища себѣ дѣла и жалованья. Заслышавъ о затѣвающемся въ Нижнемъ движеніи, они явились съ просьбой принять ихъ въ ряды новаго ополченія.

Ихъ приняли «честно». Эти-то служилые люди смоленскихъ областей, вмѣстѣ съ нижегородскими ратными людьми, дворянами и стрѣльцами, и составили первоначальное ядро новаго ополченія.

Работа закипѣла. Напрасно князь Пожарскій считалъ себя недостойнымъ взяться за великое дѣло. То была излишняя скромность молодого воеводы. За устроеніе рати онъ принялся съ горячей энергіей и со знаніемъ дѣла.

Прежде всего разоренныхъ, почти голодныхъ смольнянъ, дорогобужанъ и вязьмичей нужно было обезпечить жалованьемъ. И по совѣту Минина, ихъ «пожаловали денежнымъ жалованьемъ большимъ: первой статьѣ давали по 50 рублевъ, а другой по 45 рублевъ, третьей по 40 рублевъ, а меньше

30 рублевъ не было». То было громадное жалованье по тому времени, какого никогда не давали при прежнихъ государяхъ. Такъ самъ Пожарскій въ царствованіе Бориса Годунова получалъ за ратную службу всего 20 рублей денежнаго жалованья при небольшомъ помѣстьи.

Не расточительность была причиной такой непомѣрной щедрости Минина. Какъ торговый человѣкъ, онъ зналъ цѣну деньгамъ, а служивши въ земскихъ старостахъ, научился бережно расходовать чужую казну; но хорошее обезпеченіе казалось ему главнымъ ручательствомъ за успѣхъ дѣла. И дѣйствительность оправдала его предположенія. Не даромъ лѣтописецъ, съ глубокимъ чувствомъ описывая, какъ Мининъ «жаждущія сердца ратныхъ утолялъ и наготу ихъ прикрывалъ и во всемъ ихъ покоилъ», прибавляетъ: «и сими дѣлами собралъ воинство не малое». Не даромъ и историкъ Забѣлинъ говоритъ: «въ этомъ (т.-е. въ хорошемъ обезпеченіи войска) и состояла главнѣйшая и великая заслуга Минина, въ этомъ и обнаруживался его дальновидный, практическій умъ. Онъ хорошо понималъ, что... никакія патріотическія воодушевленія не собрали бы ратныхъ, еслибъ нечего имъ было ѣсть или скудно-бъ имъ было жить; а еслибъ и собрали, то отъ скудости развратили бы ополченіе, и оно снова разсыпалось бы отъ буйства и грабежей».

Сосѣдніе съ Нижнимъ города, конечно, раньше другихъ услыхали о такомъ «неоскудномъ денежномъ жалованьи» и быстро отозвались на призывъ нижегородцевъ «стать за единъ противъ разорителей Московскаго государства». Идти на «очищеніе» московской земли становилось дѣломъ выгод-

нымъ, въ особенности въ то время, когда повсюду ратные люди въ конецъ разорены были Смутой. И чѣмъ больше собиралось въ Нижнемъ средствъ и народа, тѣмъ больше значенія пріобрѣтали вожди новаго ополченія.

Такъ прошли два мѣсяца въ этой кипучей работѣ по сбору казны и по устройству ополченія. Наступилъ январь 1612 года.

Въ январѣ по городамъ и уѣздамъ Московскаго государства начали ходить грамоты, присланныя изъ Москвы отъ бояръ, сидѣвшихъ съ поляками въ Кремлѣ. Въ этихъ грамотахъ московскіе бояре укоряли города въ измѣнѣ польскому правительству и, пугая ихъ казацкими насиліями и казацкими царями, призывали ихъ снова присягнуть польскому государю.

Подробно описывали бояре хозяйничанье подъ Москвой казацкихъ вождей, князя Трубецкаго и Ивана Заруцкаго.

«Теперь князь Дмитрій Трубецкой и Ивашка Заруцкій, писали они, стоятъ подъ Москвой на христіанское кровопролитіе и всѣмъ городамъ на конечное разореніе; отъ нихъ изъ табора по городамъ безпрестанно казаки грабятъ, разбиваютъ и невинную кровь христіанскую проливаютъ, насилуютъ православныхъ христіанъ, церкви разоряютъ, иконы святыя обдираютъ и многія скаредныя дѣла на иконахъ дѣлаютъ, чего умъ нашъ страшится написать»...

Бояре не скупились на краски, описывая дѣянія своихъ бывшихъ холоповъ, отъ которыхъ предостерегали всѣхъ людей, имѣющихъ достатокъ:

«Ругаютъ васъ, дворянъ, и дѣтей боярскихъ,

гостей и лучшихъ торговыхъ людей эти воры казаки, наши и ваши холопы, писали они дальше, грабятъ, побиваютъ и позорятъ и *впередъ вами и вашими домами владѣть хотятъ!*»

Упомянувъ казацкихъ царей, Воренка и Сидорку изъ Пскова, бояре горько восклицали: «И такими воровскими государями крѣпко ли Московское государство будетъ? А такими правителями, княземъ Дмитріемъ Трубецкимъ, да Ивашкою Заруцкимъ Московскому государству можно ли состояться?.. И видя нашу бѣду и конечное разореніе, между нами нестроеніе и несовѣтъ, кто не подивится, не восплачетъ и не возрыдаетъ? Со всѣхъ сторонъ Московское государство непріятели рвутъ, и всѣмъ пограничнымъ государямъ въ посмѣхъ мы и въ позоръ, и въ укоризну стали!»

И казалось боярамъ, что единственное спасеніе Россіи въ польскомъ королѣ Сигизмундѣ.

«И мы его (Сигизмунда) прихода къ Москвѣ ждемъ съ большей радостью»,—такъ заканчивали они свою грамоту, еще разъ призывая православныхъ присягать польскому государю.

Пришла такая грамота и въ Нижній.

Дивились, читая ее, Мининъ и князь Пожарскій, и спрашивали другъ друга:

«Да неужто горькій опытъ не научилъ бояръ тому, что нельзя вѣрить обѣщаніямъ поляковъ! Неужто мало имъ того, что польскій король пословъ московскихъ въ плѣнъ увезъ, и ихъ, бояръ, теперь все равно, что въ плѣну держитъ! Неужто мало унижаютъ ихъ поляки, сажая рядомъ съ ними въ Думу людей безъ роду, безъ племени. Неужто мало еще разоренья землѣ отъ поляковъ! Или Богъ помутилъ ихъ умы, что

своими руками хотятъ отдать московское государство и вѣру православную Сигизмунду католику!»

Горько и обидно стало князю Пожарскому за бояръ, обидно и страшно за будущее.

Въ дни всеобщей «шатости» такія воззванія бояръ легко могли отвлечь населеніе городовъ отъ задуманнаго нижегородскими людьми дѣла. Вожди ополченія хорошо знали, какъ великъ былъ въ городахъ и уѣздахъ страхъ передъ казаками. Ихъ насилія надъ служилыми людьми послѣ гибели Ляпунова, разгромы помѣстій, поджоги помѣщичьихъ усадебъ были у всѣхъ на глазахъ... Если годъ тому назадъ населеніе городовъ и уѣздовъ присягало королевичу Владиславу, чтобы избавиться отъ казачьяго Тушинскаго царя, то теперь, развѣ буйства казаковъ, на которыя справедливо указываютъ бояре не могутъ снова испугать людей? И не скажутъ они: кто знаетъ, будетъ ли еще имѣть успѣхъ нижегородское ополченіе, удастся ли ему справиться съ казаками, не разбѣжится ли оно отъ нихъ такъ же, какъ разбѣжалось ополченіе Ляпунова! Не надежнѣе ли признать польское правительство, не лучше ли покориться чужому государю, чѣмъ быть побиту отъ холоповъ!

Да, явная бѣда грозила задуманному нижегородскими людьми дѣлу, нужно было спасать его!

И Пожарскій отъ лица всего Нижняго спѣшитъ разослать по городамъ грамоты. Подобно боярамъ, мрачными красками описываетъ онъ «воровство» казаковъ, но не щадитъ также и поляковъ: и они, пишетъ онъ, «хищники нашего спасенія, Польскіе люди, умыслили Московское го-

сударство разорить! Не нужны казацкіе цари, но не надобенъ и Польскій король, что бы ни говорили Московскіе бояре! И вамъ бы, господа, помнить свое крестное цѣлованіе, что намъ противъ враговъ нашихъ до смерти стоять, *идти бы теперь на польскихъ людей всѣмъ вскорѣ.* Если вы, господа, дворяне и дѣти боярскія, опасаетесь отъ казаковъ какого-нибудь налогу, или какихъ-нибудь воровскихъ заводовъ, *то вамъ бы никакъ этого не опасаться,* — какъ будемъ мы всѣ верховые и понизовые города въ сходѣ, *дурна никакого ворамъ дѣлать не дадимъ».*—Вотъ это-то стремленіе успокоить населеніе отъ запугиваній бояръ и было главной цѣлью грамоты Пожарскаго: чтобы не слушались города боярскихъ грамотъ, не присягали бы польскому королю *изъ-за страха передъ казаками,* потому что «мы дурна никакого имъ сдѣлать не дадимъ». А шли бы всѣ на соединеніе съ нижегородскими людьми, которые будутъ биться и съ казаками, и съ поляками, ибо «ни Воренка, ни того вора, что стоитъ подъ Псковомъ, они въ государи на Московское государство не хотятъ, не хотятъ также и польскаго короля, а будутъ просить у Бога, чтобы далъ русской землѣ государя благочестиваго, подобнаго прежнимъ природнымъ христіанскимъ государямъ!»

Эти грамоты сдѣлали свое дѣло. Населеніе многихъ городовъ и уѣздовъ, получивъ ихъ, говорило:

«Если нижегородское ополченіе ручается усмирить казаковъ, то не лучше ли примкнуть къ нему». И новыя рати пошли на призывъ Пожарскаго. Пришли Коломничи, за ними Рязанцы, зашевелились «верховые» и поморскіе города, Вологда Ярославль и др.

Такъ городское движеніе Нижняго-Новгорода ширилось и выростало въ областное, захватывая все большій и большій районъ. На Нижній съ надеждой устремились взоры всѣхъ, кто хотѣлъ успокоенія родинѣ.

Ратныя силы новаго ополченія умножались съ каждымъ днемъ.

О нижегородскомъ ополченіи со страхомъ заговорили поляки и русскіе измѣнники, сидѣвшіе въ Кремлѣ. Нижегородскаго ополченія испугался и подмосковный казачій станъ. Но поляки сидѣли въ осадѣ и остановить нижегородское движеніе не могли. Зато казаки всполошились!

Въ первыхъ числахъ марта въ Нижній пришло извѣстіе изъ Ярославля:

Атаманъ Заруцкій прислалъ въ Ярославль «много казаковъ», а за ними идутъ многіе казачьи отряды, хотятъ захватить Ярославль. Они же казаки, со своими вождями, княземъ Трубецкимъ и Ивашкой Заруцкимъ, покинувъ Воренка, цѣловали крестъ Псковскому Самозванцу Сидоркѣ, признавъ его истиннымъ царемъ Дмитріемъ и теперь рыщутъ по городамъ и всѣхъ силой заставляютъ присягать ему.

То была тревожная вѣсть. Ярославль лежалъ какъ разъ на дорогѣ между Нижнимъ и богатыми сѣверными Поморскими городами. Казаки хорошо задумали. Овладѣвъ Ярославлемъ они прервали бы сообщеніе между Нижнимъ и этими городами; такимъ образомъ нижегородское ополченіе лишилось бы ихъ поддержки и богатой казной, и ратными силами.

Пожарскій не могъ допустить такого злого дѣла. Онъ немедленно снарядилъ нѣсколько отря-

довъ, которые должны были занять Ярославль раньше, чѣмъ явятся туда казачьи силы. А слѣдомъ за этими передовыми отрядами двинулось къ Ярославлю и все нижегородское ополченіе.

Такъ война съ казаками началась раньше, чѣмъ съ поляками!

ГЛАВА VII.

Въ Ярославлѣ.—Вѣсть о кончинѣ патріарха Гермогена.—Организація временнаго правительства.

Вотъ и Ярославль, одинъ изъ богатѣйшихъ торговыхъ городовъ на берегу Волги, «строеніемъ церковнымъ вельми украшенъ и посадами великъ!»

Въ первыхъ числахъ апрѣля ярославцы колокольнымъ звономъ и крестнымъ ходомъ встрѣчали нижегородское ополченіе; хлѣбъ-соль подносили его вождямъ Пожарскому и Минину, поднесли имъ и дары, но отъ даровъ вожди отказались.

Горячо благодарили ярославскіе люди Пожарскаго за оказанную имъ помощь противъ казаковъ. Передовые полки его пришли какъ разъ во время: они успѣли занять Ярославль до прихода туда главныхъ казачьихъ силъ, и такимъ образомъ не допустили ихъ овладѣть городомъ. Мелкіе же казацкіе отряды были ими быстро разсѣяны.—Это была радостная вѣсть для вождей ополченія. Но за ней послѣдовала другая... За нѣсколько дней до прихода Пожарскаго въ Ярославлѣ была получена изъ Троицкаго монастыря грамота, которая сообщала о мученической кончинѣ патріарха Гермогена, послѣдовавшей 17 февраля.

Троицкіе монахи такъ излагали подробности этого горестнаго событія: поляки и русскіе «вѣрники» Сигизмунда, заслышавъ о собирающемся въ Нижнемъ ополченіи, явились къ святителю и потребовали, чтобы онъ запретилъ ополченію идти къ Москвѣ. Патріархъ рѣшительно отказался исполнить это требованіе.

«Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ для очищенія Московскаго государства, — сказалъ онъ имъ въ отвѣтъ, — а вы, измѣнники, будьте прокляты!» Это были послѣднія слова святителя. Обозленные поляки приказали уморить его голодомъ.

Извѣстіе о кончинѣ патріарха поразило скорбью всѣ сердца. Умеръ «крѣпкій адамантъ», умеръ стойкій защитникъ вѣры, чей голосъ поднималъ православныхъ на защиту родины отъ враговъ! Но святитель умеръ, благословляя ополченіе, святитель принялъ мученическій вѣнецъ за вѣру и родину! И въ сердцахъ, потрясенныхъ горестью, поднималось горячее желаніе послѣдовать его примѣру.

«Скорѣй къ Москвѣ! Сразиться съ врагами, а если Богъ не дастъ побѣды, то честно умереть за вѣру и отечество! Скорѣй къ Москвѣ!» приступали ополченцы къ Пожарскому.

Но тутъ-то и оказалось, что вожди ополченія рѣшительно не хотѣли спѣшить къ Москвѣ. Горькій опытъ предшествующихъ неудачъ научилъ ихъ быть осторожными и осмотрительными и заставилъ обдумывать каждый свой шагъ.

Спѣшить къ Москвѣ? Не для того ли, чтобы попасть въ лапы подмосковнаго казачьяго стана?

Послѣ неудачной попытки овладѣть Ярославлемъ, казаки не смирились. Ихъ отряды разсыпа-

лись по окрестнымъ мѣстамъ и заняли города къ сѣверу отъ Ярославля и по пути къ Москвѣ, Угличъ, Пошехонье, Переяславль Залѣсскій, Суздаль и др.; причемъ населеніе этихъ городовъ они принуждали присягать своему Псковскому Вору. Не лучше ли сперва очистить эти города отъ враждебныхъ казачьихъ шаекъ и уже тогда, безъ всякаго риска двинуться къ Москвѣ!

Спѣшить къ Москвѣ, когда съ сѣвера надвигалась новая гроза—Шведы!

Овладѣвъ Новгородомъ и заставивъ его признать власть своего королевича, шведы устроили тамъ нѣчто въ родѣ особаго новгородскаго государства, къ которому хотѣли привлечь и всю русскую землю. Для этой цѣли они двинулись дальше внутрь страны. Былъ уже занятъ ими Тихвинъ, лежащій на большой дорогѣ отъ шведской границы къ Волгѣ. Это движеніе шведовъ угрожало русской землѣ новой войной. Не лучше ли, прежде чѣмъ устремиться къ Москвѣ, позаботиться о томъ, чтобы какъ-нибудь миролюбиво уладить съ ними дѣла, не допустить ихъ до военныхъ дѣйствій. Вѣдь у ополченія не хватило бы силъ бороться сразу съ тремя врагами, съ поляками, казаками, да еще со шведами.

Спѣшить къ Москвѣ, когда оставалось еще много городовъ, которые колебались, не зная, чью сторону имъ держать, сторону казаковъ съ ихъ псковскимъ Воромъ, или сторону польскаго правительства, какъ то совѣтовали московскіе бояре. Не лучше ли сперва постараться перетянуть ихъ на свою сторону, чтобы въ рѣшительную минуту они не оказались на сторонѣ враговъ.

Словомъ, было надъ чѣмъ подумать вождямъ

новаго ополченія и не хотѣли они излишней поспѣшностью испортить хорошо начатое дѣло. «Вѣдь не въ самомъ же дѣлѣ они шли только на Ходкѣвича, только пособлять казацкимъ воеводамъ!» — восклицаетъ историкъ Забѣлинъ. Вѣдь не въ томъ только была ихъ цѣль, чтобы овладѣть Москвой и выбить оттуда горсть поляковъ, которые потомъ могли соединиться съ казаками и, опираясь на колеблющіеся города, снова обратили бы противъ нихъ свои силы!

Вожди ополченія взглянули на свою задачу шире. Хорошо понимая, что побѣдить врага не было возможности, когда была еще рознь и смута въ землѣ, они хотѣли сперва добиться «общаго соединенія всѣхъ городовъ въ одной мысли», хотѣли сначала успокоить землю; а для этого безразлично было, гдѣ стоять, подъ Москвой, или въ Ярославлѣ. Въ Ярославлѣ было во всякомъ случаѣ безопаснѣе отъ казаковъ. А тѣмъ временемъ подмосковные казаки могли продолжать осаду поляковъ въ Кремлѣ. Для ополченія даже выгодно было, чтобы его враги тратили свои силы во взаимной борьбѣ подъ Москвою.

Вотъ почему вожди ополченія не спѣшили къ Москвѣ, и, въ отвѣтъ нетерпѣливымъ ополченцамъ, говорили:

«На что лучше умереть на полѣ брани за родину и вѣру! Но еще лучше не торопиться со смертью и сперва испытать всѣ средства для спасенія и родины и вѣры!»

Но въ этомъ трудномъ дѣлѣ успокоенія земли, вожди ополченія не хотѣли дѣйствовать по личному усмотрѣнію, или въ согласіи лишь съ немногими воеводами отдѣльныхъ отрядовъ. Они хотѣли, чтобы

всѣ города и уѣзды московскаго государства черезъ своихъ выборныхъ приняли участіе въ рѣшеніи столь важной и отвѣтственной задачи, чтобы прислали свой совѣтъ, какъ рѣшать безъ государя неотложныя дѣла земли.

Для этой цѣли вожди ополченія отправили изъ Ярославля грамоты во всѣ города и уѣзды, даже въ далекую Сибирь. Въ этихъ грамотахъ они писали людямъ городовъ и уѣздовъ:

«Сами знаете, господа, какъ намъ теперь безъ государя противъ общихъ враговъ, польскихъ и нѣмецкихъ людей и русскихъ воровъ, которые новую кровь начинаютъ, стоять, и какъ намъ безъ государя о великихъ государственныхъ и земскихъ дѣлахъ съ окрестными государями ссылаться, и какъ государству нашему впередъ стоять крѣпко и неподвижно? Такъ по всемірному своему совѣту, пожаловать бы вамъ прислать къ намъ въ Ярославль изъ всякихъ чиновъ людей человѣка по два, и съ ними совѣтъ свой отписать за своими руками».

Этими грамотами вожди ополченія какъ бы объявляли всей землѣ, что они хотятъ устроить въ Ярославлѣ общеземское правительство, которое бы рѣшало дѣла земли.

Съ радостью откликнулись многіе города на этотъ призывъ. Не признавая ни польскаго правительства въ Москвѣ, ни правительства казацкаго подъ Москвой, они однако чувствовали потребность въ крѣпкой власти, которая бы управляла государствомъ.

Съ прибытіемъ выборныхъ изъ городовъ, въ Ярославлѣ и было организовано временное правительство. Главной заботой при образованіи этого

правительства было, чтобы все было какъ въ Москвѣ при прежнихъ государяхъ. Вѣдь посадскіе люди, призывая ратныхъ людей на очищеніе Московскаго государства, хотѣли только одного: успокоить землю и *возстановить въ ней разрушенный смутой старый порядокъ.* Возстановить все, какъ оно было до смуты! И ничего новаго не собирались они вводить въ этотъ старый порядокъ. Потому и новое правительство было образовано по образцу стараго московскаго. Въ составъ его вошли: 1) *Духовный совѣтъ*, который замѣнилъ собою московскій патріаршій «освященный соборъ». Во главѣ его былъ поставленъ жившій на покоѣ въ троицкомъ монастырѣ бывшій ростовскій и ярославскій митрополитъ Кириллъ; 2) *Боярскій совѣтъ*, замѣнившій московскую государеву Думу. Въ него вошли немногіе, бывшіе въ ополченіи бояре, окольничіе, стольники и въ числѣ ихъ, конечно, самъ князь Пожарскій; и 3) Выборные отъ городовъ и уѣздовъ земскіе люди, служилые и посадскіе, которые призывались и въ Москву въ случаѣ надобности для рѣшенія важныхъ вопросовъ.

А для веденія дѣлъ были образованы все тѣ же приказы, какъ въ Москвѣ.

Такъ образовалось временное правительство, такъ называемый «совѣтъ всея земли», съ которымъ вожди ополченія и приступили къ рѣшенію неотложныхъ дѣлъ.

ГЛАВА VIII.

Борьба съ казаками.—Переговоры со шведами.—Покушеніе на жизнь князя Пожарскаго.

Созвавъ *совѣтъ всея земли,* Пожарскій и Мининъ начали съ нимъ рѣшать, «како къ земскому

дѣлу было прибыльнѣе:» что́ предпринять противъ захватившихъ сосѣдніе города казаковъ и какой политики держаться относительно шведовъ.

И по *совѣту всея земли* рѣшено было съ казаками воевать, а шведовъ занять мирными переговорами.

Согласно съ такимъ приговоромъ Пожарскій послалъ свои отряды по сосѣднимъ городамъ для борьбы съ казаками.

Борьба началась удачно. Военные отряды Пожарскаго прогнали казаковъ изъ Суздаля, изъ Пошехонья, нанесли имъ большое пораженіе подъ Угличемъ, отняли у нихъ Переяславль Залѣсскій.

Эти побѣды укрѣпили въ сердцахъ служивыхъ людей вѣру въ своего воеводу.

Недаромъ, значитъ, посылалъ грамоты по городамъ, увѣщевая людей, чтобы не боялись казаковъ. Зналъ, что́ писалъ. Если и теперь не торопится къ Москвѣ, стало быть, знаетъ, что́ дѣлаетъ!

Для рѣшенія шведскихъ дѣлъ изъ Ярославля былъ отправленъ посолъ въ Новгородъ, чтобы развѣдать тамошнія дѣла.

Посолъ вернулся оттуда съ неутѣшительнымъ отвѣтомъ.

«Отнюдь въ Новгородѣ добра нечего ждать»,— сказалъ онъ, ссылаясь на присягу Новгорода Шведскому королевичу Филиппу.

А вскорости въ Ярославль и послы изъ Новгорода явились, игуменъ новгородскій, дворяне городовые, посадскіе люди, и предложили Пожарскому вмѣстѣ съ ополченіемъ признать государемъ Московскимъ королевича Филиппа. Со словъ шведовъ они превозносили его до небесъ, указывая

на то, что онъ «въ страхѣ Божіемъ возращенъ, ко всякой храбрости и смиренію навыченъ и отъ Бога великимъ разумомъ одарованъ».

Увѣряли, что избраніе его на Московскій престолъ положитъ конецъ бѣдствіямъ Россіи.

«Вѣдомо вамъ самимъ, что великій Новгородъ отъ Московскаго государства никогда отлученъ не былъ,—говорили они,—и теперь бы вамъ такъ же, учиня между собою общій совѣтъ, быти съ нами въ любви и соединеніи подъ рукой одного государя».

И въ помыслахъ не было того у вождей ополченія, чтобы Шведскому королевичу присягать. Неужто для того они шли освобождать Московское государство отъ иноземнаго плѣненія, чтобы снова подпасть подъ иго иноземцевъ, хотя бы и другой вѣры!

Однако рѣзкій отказъ могъ вызвать военныя дѣйствія со стороны Швеціи и Новгорода, и потому вожди ополченія ограничились неопредѣленными рѣчами:

«Искусились они, какъ полагаться на иноземныхъ государей. Какъ бы шведскій король ни поступилъ съ ними такъ же, какъ польскій король. Сигизмундъ тоже хотѣлъ дать сына на Московское царство, съ годъ манилъ и не далъ. А теперь вы сами знаете, что сдѣлали поляки съ Московскимъ государствомъ! Дождаться надо сперва, пока Филиппъ въ Новгородъ пріѣдетъ, да православную вѣру приметъ, а тамъ и переговоры вести. А до тѣхъ поръ быть намъ съ новгородцами въ любви и совѣтѣ и войны бы намъ межъ себя не начинать, задоровъ никакихъ не дѣлать, чтобы не помѣшали шведы идти на очищеніе Московскаго государства».

Такой временный договоръ и заключили съ новгородцами. Главное, что нужно было вождямъ ополченія, чтобы не мѣшали шведы идти къ Москвѣ!

По приговору всей земли были разосланы грамоты и въ другіе «невѣрные» города, главнымъ образомъ въ города Украинскіе, которые держались Псковского вора.

«Если вы отъ вора не отстанете, то польскіе люди Москву и всѣ города до конца разорятъ, всѣхъ насъ и васъ погубятъ, Землю нашу пусту и безпамятну учинятъ, и того всего взыщетъ Богъ на васъ, да и окрестныя всѣ государства назовутъ васъ предателями своей вѣрѣ и отечеству»...

Такъ писали въ этихъ грамотахъ вожди ополченія, призывая «невѣрные» города бросить свое «воровство» и идти въ Ярославль на соединеніе съ ополченіемъ:

«И только вы отъ того вора отстанете и съ нами будете въ соединеньи, то враги наши, Польскіе и Литовскіе люди изъ Московскаго государства выйдутъ»...

Такъ дѣйствуя согласно съ приговорами всей Земли, Пожарскій и Мининъ устраивали дѣла Московскаго государства, успокаивая землю и приводя всѣхъ къ единенію.

Казалось, цѣль была достигнута. Многіе изъ колеблющихся городовъ покидали свое «воровство» и присылали свои рати на соединеніе съ ополченіемъ. Шведы, успокоенные договоромъ съ Новгородомъ, не угрожали военными дѣйствіями, а казаки, это «преопасное зелье,» которое больше всего пугало вождей ополченія—казаки были разсѣяны изъ окрестныхъ мѣстъ, и путь къ Москвѣ

былъ очищенъ отъ ихъ враждебныхъ шаекъ! Мало того, изъ подмосковнаго казачьяго стана въ Ярославль грамота пришла; въ ней казаки открещивались отъ своего царя Сидорки, а князь Дмитрій Трубецкой жаловался Пожарскому, что цѣловать крестъ вору Сидоркѣ его заставили «неволею». Казачій вождь какъ бы оправдывался. Не значило ли это, что онъ уже чувствовалъ слабость казацкой силы и заранѣе слалъ повинную?

Словомъ, вожди ополченія не жалѣли, что не поспѣшили къ Москвѣ. Не безцѣльно было ихъ четырехмѣсячное пребываніе въ Ярославлѣ, если за это время они успѣли усмирить казаковъ, привести въ единеніе большинство городовъ, если созвали совѣтъ всея земли и организовали прочное правительство, власти котораго подчинялось уже все Поморье, Понизовье, Замосковныя мѣста и др. Недаромъ историкъ Забѣлинъ говоритъ:

«Оставаясь такъ долго въ Ярославлѣ, ополченіе неисчислимо больше завоеваній сдѣлало безъ меча, однимъ своимъ поведеніемъ, привлеченіемъ всѣхъ къ единенію. Послѣ успѣховъ этого мирнаго дѣла, дѣло меча стало уже дѣломъ второстепеннымъ и не столь затруднительнымъ. Прежде всего надо было осадить со всѣхъ сторонъ, взять приступомъ свою собственную Смуту, а эта осада была несравнено мудренѣе осады Китай-города или Кремля. Что́, если бы Пожарскій поскакалъ со своимъ ополченіемъ на спѣхъ спасать Москву, оставивъ за собою и около себя по разнымъ городамъ воровскія и вражескія дружины съ знаменемъ Псковского Вора или съ готовностью поднять это знамя! Что́ вышло бы тогда? Вышла бы та же самая исторія, если еще не похуже, какъ

случилась съ первымъ ополченіемъ, съ Ляпуновскимъ. Изучивъ эту исторію, нижегородцы сдѣлали всё, чтобы не повторить ее!»

Было еще одно дѣло, которое сильно озабочивало вождей ополченія: казна, собранная Мининымъ, приходила къ концу, а ратные люди, откликаясь на воззванія Пожарскаго, всё прибывали. Нужно было подумать объ ихъ обезпеченіи, не вести же къ Москвѣ голодныхъ ополченцевъ, которые подобно казакамъ, отъ «скудости» принуждены будутъ добывать себѣ пропитаніе грабежами и разбоями.

И въ грамотахъ, разсылаемыхъ по городамъ, Мининъ и Пожарскій, жалуясь на безденежье, указывали на самоотверженный примѣръ Нижегородскихъ людей.

«Въ Нижнемъ-Новгородѣ,—писали они,—гости и всѣ посадскіе люди, не пощадя своего имѣнья, служилыхъ людей снабдили денежнымъ жалованьемъ, но казна эта опустѣла, изо всѣхъ городовъ пріѣзжаютъ къ намъ служилые люди, бьютъ челомъ всей Землѣ о денежномъ жалованьи, а дати имъ нечего. Такъ вамъ бы, господа, прислать къ намъ въ Ярославль денежную казну ратнымъ людямъ на жалованье!»...

Вожди ополченія обратились за денежной помощью даже къ австрійскому императору, вспомнивъ, что когда-то цари Московскіе помогали Австріи деньгами противъ турокъ.

Узнавъ о бѣдственномъ положеніи Россіи, раздираемой врагами, и своими, и чужими, австрійскій императоръ охотно согласился помочь несчастной странѣ и предложилъ Пожарскому то, въ чемъ онъ меньше всего нуждался, а именно—своего престарѣлаго брата въ цари Московскіе!

Съ горечью говорили тогда вожди ополченія:

«Воистину на посмѣхъ мы стали въ чужихъ земляхъ! Никто не вѣритъ, что мы изъ своихъ православныхъ людей сумѣемъ царя выбрать. Словно охотники за добычей погнались за Московскимъ престоломъ поляки, шведы, а теперь австрійцы. Пожалуй, еще какіе-нибудь иноземные королевичи найдутся, кои пожелаютъ въ цари московскіе попасть. А тамъ всѣ войной на насъ пойдутъ, каждый для себя добывая Московскій престолъ... Не лучше ли теперь же въ Ярославлѣ, сославшись съ городами, всей Землей выбрать царя, кого Богъ дастъ, чтобы не было соблазна чужимъ людямъ! Выбрать Государя и вмѣстѣ съ нимъ уже идти къ Москвѣ»...

Стали думать, какъ бы привести эту мысль въ исполненіе. Запросили города, чтобы съ выборными совѣтъ свой прислали «какъ намъ въ нынѣшнее злое время безгосударнымъ не быть и выбрать бы намъ государя всею Землею!»...

И вотъ среди этихъ приготовленій однажды утромъ въ концѣ іюля по Ярославлю разнеслась страшная вѣсть:

«Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій убитъ! Казакъ изъ подмосковнаго табора закололъ его ножомъ. Злодѣи убили защитника отечества такъ же, какъ убили Ляпунова!»

Неописуемое волненіе началось въ ополченіи. Улицы Ярославля были запружены народомъ. Всѣ съ громкими криками и воплями бѣжали къ пушечному двору, гдѣ, какъ говорили, произошло это горестное событіе.

А на пушечномъ дворѣ мятущуюся толпу встрѣ-

чалъ самъ Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, живой и невредимый.

Какъ же такъ? Кто пустилъ этотъ слухъ, поразившій ужасомъ всѣ сердца?

Озадаченная толпа растерянно глядѣла на князя, не зная, что́ и думать.

А дѣло было такъ: отъ атамана Заруцкаго явились въ Ярославль два казака какъ бы для переговоровъ съ Пожарскимъ. Но главная цѣль ихъ прихода была—убить князя и тѣмъ самымъ разстроить ополченіе. И вотъ когда князь въ присутствіи многочисленной толпы осматривалъ на пушечномъ дворѣ пушки, назначенныя подъ Москву, одинъ изъ казаковъ бросился на него съ ножомъ. Раздались стоны...

Въ тѣснотѣ и давкѣ многіе не замѣтили, что убійца промахнулся и попалъ въ стоявшаго рядомъ съ княземъ другого казака, который тутъ же со стономъ повалился на землю. Не видя Пожарскаго, который наклонился надъ раненымъ, всѣ бросились съ пушечнаго двора съ крикомъ: «князь убитъ!» и тѣмъ самымъ подняли на ноги весь городъ.

Тревога оказалась напрасной. Князь остался живъ, онъ даже упросилъ *Совѣтъ Земли* не казнить убійцу, и однако это неудачное покушеніе на его жизнь произвело на него гнетущее впечатлѣніе. Не за себя, не за свою жизнь испугался князь. Ему стало страшно за исходъ дѣла, которому онъ отдалъ свои силы.

«Не бросили казаки свое воровство. Стало быть, и впредь будутъ вредить ополченію! Не подождать ли съ выступленіемъ къ Москвѣ?»

Но ждать было уже нельзя. Въ Ярославль при-

шла вѣсть, что польскій гетманъ Ходкѣвичъ приближается къ Москвѣ съ подмогой осажденнымъ. Некогда было думать и объ избраніи царя.

28-го іюля ополченіе выступило изъ Ярославля.

ГЛАВА IX.

Въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ.—Архимандритъ Діонисій.—Выступленіе ополченія къ Москвѣ.

Теплая августовская ночь спустилась надъ обителью Преподобнаго Сергія. На темно-синемъ небѣ выплыла луна и мягкимъ свѣтомъ освѣтила многочисленные храмы и строенія обители.

Несмотря на позднюю пору, въ небольшихъ оконцахъ монастырскихъ келій и страннопріимныхъ домовъ свѣтился огонь. А среди ночной тишины то и дѣло раздавалось фырканье коней и бряцаніе оружія. Это пришедшее изъ Ярославля ополченіе расположилось возлѣ Троицкаго монастыря. Это его послѣдняя стоянка передъ Москвой. Завтра на разсвѣтѣ ополченіе выступитъ къ столицѣ.

Что̀ ожидаетъ его? Удастся ли перехватить дорогу, по которой спѣшитъ къ Москвѣ гетманъ Ходкѣвичъ? Удастся ли справиться съ казаками?

Никто не спитъ. Всѣ ждутъ заутрени, чтобы принять благословеніе отъ Троицкаго архимандрита.

И сомнѣніе, и страхъ передъ казаками, и надежда на успѣхъ поперемѣнно волнуютъ главныхъ вождей и руководителей дѣла — Минина и Пожарскаго.

Въ небольшой кельѣ, заставленной образами и пропитанной запахомъ лампаднаго масла и сухихъ,

душистыхъ травъ, сидятъ они у архимандрита и ведутъ съ нимъ бесѣду.

Какъ не похожи были другъ на друга эти три лица, соединенныя горячей любовью къ родинѣ и страстнымъ желаніемъ отдать всѣ свои силы на служеніе ей!

Столько силы и крѣпости было въ плотной, коренастой фигурѣ Козьмы Минина! Столько проницательнаго ума свѣтилось въ небольшихъ карихъ глазахъ этого простого посадскаго человѣка, за безграмотностью котораго въ грамотахъ «въ Козьмино мѣсто Минина» прикладывалъ руку воевода Пожарскій.

Статной, величественной осанкой обладалъ князь Пожарскій. Загорѣлое, мужественное лицо его со шрамами отъ ранъ свидѣтельствовало о томъ, что этотъ военачальникъ въ битвахъ не любилъ прятаться за спины своихъ ратниковъ. Это былъ настоящій воинъ, готовый броситься прежде всѣхъ въ самую кипучую сѣчу.

Хозяинъ кельи, архимандритъ Діонисій, радушно принимавшій давно жданныхъ гостей, былъ еще не старый человѣкъ. Необыкновенная красота, которой надѣлила его природа, повсюду обращала на него вниманіе. Разсказывали, что однажды въ Москвѣ, будучи еще простымъ монахомъ, онъ пришелъ на Спасскій мостъ, и въ книжномъ ряду сталъ разсматривать книги. Въ толпѣ посыпались шутки по поводу того, что подобный красавецъ не можетъ быть хорошимъ монахомъ. Діонисій не оскорбился. Онъ взглянулъ на говорившаго своими прекрасными, свѣтлыми очами и сказалъ кротко: «ты правъ, братъ, если бы я былъ хорошій монахъ, то не шатался бы по торжищамъ, а сидѣлъ бы

въ кельѣ». Насмѣшникъ устыдился и попросилъ у Діонисія прощенія.

Всегда кроткій и благодушный, Діонисій невольно привлекалъ къ себѣ всѣ сердца. Его ясная, незлобивая душа была открыта для чужого страданія; сердце его горѣло дѣятельной любовью къ ближнему, любовью до самозабвенія, до самоотверженности. Это была одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей Смутнаго времени!

Въ тяжелую годину «лихолѣтья» Діонисій широко открылъ ворота Троицкой обители для всѣхъ, кто нуждался въ помощи, а такихъ было великое множество. Толпы русскихъ людей, страдая отъ звѣрства польскихъ и казацкихъ шаекъ, раздѣтые, искалѣченные, искали пристанища, нуждались въ одеждѣ, пропитаніи и лѣченіи. «Нѣкоторые, по словамъ современника, были всѣ испечены огнемъ, у иныхъ вырваны на головѣ волосы. Множество калѣкъ валялось по дорогамъ; у иныхъ были вырѣзаны полосы кожи на спинѣ, у другихъ отсѣчены руки и ноги...» И всѣхъ ихъ принималъ архимандритъ Діонисій. Воодушевленные его горячимъ словомъ и примѣромъ, троицкіе монахи и служки, рискуя наткнуться на враговъ, «по путемъ и лѣсамъ ѣздили и смотрѣли того, чтобы ихъ звѣри не ѣли и мученыхъ отъ враговъ, мертвыхъ и умирающихъ, всѣхъ сбирали». По настоянію Діонисія монахи и крестьяне монастырскіе строили больницы и страннопріимные дома въ округѣ монастыря и въ ближайшихъ селахъ и слободахъ монастырскихъ.

Здѣсь кормили и лѣчили всѣхъ призрѣваемыхъ, давали имъ одежду и все необходимое, а мертвыхъ предавали погребенію. Всю казну монастырскую.

всё, что давали туда вкладчики на поминъ души и въ видѣ пожертвованій, Діонисій рѣшился отдать на великое дѣло помощи страждущимъ и несчастнымъ. Вспоминая осаду монастыря поляками при Шуйскомъ, Діонисій говорилъ:

«Отъ осады большой Богъ избавилъ насъ, а за лѣность и скупость можетъ хуже еще смирить. Видимъ всѣ, что Москва въ осадѣ, а польскіе люди разсыпались по землѣ, что у насъ ни есть хлѣба ржанаго и пшеницы, и квасовъ въ погребѣ, все отдадимъ раненымъ людямъ, а сами будемъ ѣсть хлѣбъ овсяной, и безъ кваса, съ одной водой не умремъ».

Совершая высокій подвигъ христіанской любви, Діонисій ни днемъ, ни ночью не зналъ покоя, наблюдая самъ за тѣмъ, чтобы людямъ, которымъ давали пріютъ, было хорошо. Кромѣ того, въ его кельѣ постоянно сидѣли «писцы борзые», которымъ онъ диктовалъ грамоты, разсылаемыя имъ по всѣмъ городамъ, грамоты съ горячимъ призывомъ идти на защиту погибающей родины.

Вотъ объ этихъ-то грамотахъ и вели разговоръ Мининъ и Пожарскій съ архимандритомъ Діонисіемъ. Непонятно имъ было, какимъ образомъ Троицкая обитель могла призывать города на помощь казакамъ. Неужели троицкіе монахи, находясь такъ близко отъ нихъ, не видѣли ихъ воровскія дѣла?

Діонисій повѣдалъ причину:

Видѣли и они, что «воровство» началось отъ казаковъ, да только писать-то объ этомъ опасались. Боялись, какъ бы разглашеніемъ о нестроеніяхъ въ подмосковномъ ополченіи не повредить дѣлу народнаго единенія. Вѣдь и казаки пришли

защищать родину отъ поляковъ. Опять же монастырь, призрѣвая сотни, тысячи людей, нуждался въ хлѣбѣ и другихъ припасахъ, которые привозились издалека. Необходимо было оградить провозъ этихъ припасовъ отъ польскихъ шаекъ, а для того нужна была военная защита. И монастырю волей-неволей приходилось прибѣгать къ помощи казацкой военной силы, которая къ тому же была близко отъ него. Поэтому и казаки въ свою очередь въ трудныя минуты обращались за содѣйствіемъ къ монастырю. Не могъ же монастырь отказать имъ въ этомъ содѣйствіи, разъ онъ самъ нуждался въ ихъ поддержкѣ!

Діонисій откровенно признавался, что онъ уразумѣлъ свою ошибку и теперь видитъ, что казаки плохіе защитники отечества, если они сами разоряютъ его.

Такъ шло время въ тихой, задушевной бесѣдѣ. Ночь уже близилась къ концу. Пожарскій покинулъ келью и пошелъ отдать послѣднія распоряженія къ раннему выступленію. А Минихъ и Діонисій продолжали говорить, обсуждая положеніе дѣлъ, высказывая свои надежды и опасенія.

«И какъ это тебя, Захарычъ, сподобилъ Богъ рѣшиться на такое великое дѣло?—среди разговора спросилъ архимандритъ Минина.

«Воистину, Богъ сподобилъ, никто какъ Богъ», тихо сказалъ Мининъ, и въ голосѣ его прозвучало великое смиреніе. «Никто, какъ Богъ, приказалъ мнѣ, маленькому человѣку, взяться за великое дѣло».

Мининъ оглянулся по сторонамъ, словно боялся, какъ бы не услыхали его чьи-нибудь постороннія уши, и совсѣмъ тихо произнесъ:

«Видѣнье мнѣ было! Удостоился я, грѣшный, узрѣть нѣкоего мужа.... свѣтелъ лицомъ, а одежда какъ бы монашеская...»

Мининъ устремилъ свой взоръ на висѣвшій въ переднемъ углу образъ Преподобнаго Сергія, и задумался, словно что̀ вспоминая....

Діонисій уловилъ его взглядъ и тихо, проникновенно сказалъ:

«Это тебѣ Преподобный Сергій являлся. Черезъ него Богъ открылъ тебѣ свою волю. Молись ему! Преподобный поможетъ одолѣть враговъ!»

Въ эту минуту монастырскіе колокола ударили къ заутрени.

Собесѣдники перекрестились. Архимандритъ поднялся и направился къ выходу. Мининъ послѣдовалъ за нимъ.

Залитъ огнями главный храмъ Троицкой обители.... Вотъ кончилась заутреня. Троицкое духовенство вышло за ограду монастыря, гдѣ стройными рядами выстраивались отряды ополченія.

Утро только еще занималось. Отпѣли напутственный молебенъ. Духовенство съ хоругвями и иконами собралось, чтобы крестнымъ ходомъ проводить войска. Архимандритъ Діонисій вышелъ съ крестомъ.

«Послѣдніе люди Московскаго государства», взявъ въ свои руки великое дѣло спасенія родины, готовы были тронуться въ путь.

Но вотъ совершенно неожиданно со стороны Москвы налетѣлъ страшный вихрь и подулъ навстрѣчу ополченію. Смутились суевѣрныя сердца. То не доброе предзнаменованіе!

Діонисій осѣнилъ крестомъ войска.

Но со страхомъ и томленіемъ подходили рат-

ники къ кресту. Самые мужественные поколебались въ предчувствіи недобраго

Вотъ конченъ священный обрядъ. Архимандритъ окропилъ войска святой водой, а они все не двигались, словно боялись идти навстрѣчу невѣдомому будущему.

И вдругъ направленіе вѣтра сразу перемѣнилось. Онъ «съ такой силой подулъ въ тылъ войску, что всадники едва держались на лошадяхъ. Тотчасъ же всѣ лица просіяли, уныніе смѣнилось радостью. Послышались бодрые возгласы:

«Умремъ за домъ Пречистой Богородицы, за православную Христову вѣру!»

Ополченіе двинулось. А надъ горизонтомъ поднималось яркое, лучезарное солнце...

ГЛАВА X.

Подмосковный казачій станъ.—Уходъ атамана Заруцкаго изъ-подъ Москвы.

То же лучезарное солнце, которое встрѣтило выступленіе Нижегородскаго ополченія изъ Троицкаго монастыря, яркими лучами залило и подмосковный казачій «таборъ», что раскинулся у восточной стѣны Китай-города между рѣками Яузой и Неглинной. Далеко растянулись походныя казачьи палатки, среди нихъ высились наскоро построенныя избы и даже богатыя хоромы. Вдоль строеній и палатокъ тянулись торговые ряды, куда привозили разные товары и всякіе съѣстные харчи купцы изъ сосѣднихъ мѣстъ.

Несмотря на раннюю пору, въ «таборѣ» ца-

рило большое оживленіе. Громкій говоръ, смѣхъ и ругательства сотенъ людей, топотъ и ржанье лошадей сливались въ одинъ сплошной гулъ.

Казачій таборъ! Да, это были тѣ самые казаки, которые, убивъ Ляпунова, разогнали своимъ буйствомъ служилыхъ людей его ополченія. Это тѣ самые казаки, которыхъ проклинали въ своихъ грамотахъ и патріархъ Гермогенъ, и Московскіе бояре, и князь Пожарскій. Это тѣ казаки, изъ страха передъ которыми бояре чуть не предали русскую землю польскому королю Сигизмунду, а вождь Нижегородскаго ополченія такъ медлилъ съ выступленіемъ изъ Ярославля. Да, это они, казаки, которыхъ, какъ огня, боялись всѣ люди съ достаткомъ, всѣ тѣ, кому было что беречь.

Какая пестрота въ таборѣ! Какая смѣсь одеждъ и лицъ! Вотъ награбленныя въ помѣщичьихъ усадьбахъ, шитые золотомъ кафтаны, накинутые поверхъ грязной, рваной одежды! Вотъ холеныя лица, сытыя фигуры дворянъ и бояръ тушинскихъ рядомъ съ жалкими, изможденными фигурами бѣглыхъ холоповъ. Пышныя боярскія бороды, расчесанныя на прямой рядъ кудри, а рядомъ бритыя головы, бритыя лица казаковъ съ низко опущенными усами.

Громкія фамиліи князей Трубецкихъ, Черкасскихъ, Засѣцкихъ мѣшались съ холопьими кличками... Ратники, умѣло владѣющіе оружіемъ и рядомъ съ ними люди, у которыхъ изъ рукъ валилось оружіе, которые прибѣжали въ таборъ прямо отъ сохи!..

И все это шумѣло, кричало, куда-то собиралось. Строились полки... Громкій, властный голосъ отдавалъ приказанія. То атаманъ Иванъ За-

руцкій, или, какъ величали его въ своихъ грамотахъ бояре и Пожарскій, «Ивашка Заруцкій», собиралъ свою казацкую вольницу.

Довольно, похозяйничали подъ Москвой! Не идти же на поклонъ къ Пожарскому! Это князю Трубецкому подстать, а ему, вольному атаману, такое дѣло не къ лицу!

Съ тѣхъ поръ, какъ отряды Пожарскаго отогнали казаковъ отъ Ярославля и выбили ихъ изъ сосѣднихъ съ нихъ городовъ, между вождями подмосковнаго стана началось большое несогласіе. И князь Трубецкой и атаманъ Заруцкій, оба почувствовали силу нижегородскаго ополченія; оба видѣли также, какъ измѣнилось отношеніе городовъ къ нимъ, вождямъ подмосковнаго стана.

Правительственная организація, созданная Ляпуновымъ въ подмосковномъ ополченіи, послѣ его смерти перешла въ ихъ руки. Они, казацкіе вожди, распоряжались дѣлами земли: они назначали и мѣняли воеводъ по городамъ; они писали грамоты въ города и уѣзды, требуя присылки казны на продолженіе осады поляковъ; въ приказахъ, созданныхъ Ляпуновымъ, дьяки и подъячіе съ городовъ и съ волостей *на казаковъ* кормы сбирали...

Но съ той поры, какъ Нижегородское ополченіе взяло силу, дѣла пошли по другому: города не признаютъ больше ихъ власти, не внемлютъ ихъ грамотамъ, не присылаютъ казны...

Обнищали, заголодали казаки. Грабежемъ да разбоемъ немного добудешь, особенно когда отряды Пожарскаго повсюду настигали ихъ и не давали своевольничать. Времена наступали крутыя для казаковъ. Приходилось крѣпко задуматься

надъ тѣмъ, что дѣлать дальше. Вотъ тутъ-то и не могли сговориться между собой казацкіе вожди, князь Трубецкой и атаманъ Заруцкій.

Князь Трубецкой началъ явно заискивать передъ вождями ополченія. Князь зналъ только свои выгоды, цѣнилъ чины и почести и готовъ былъ служить всякому, лишь бы это было выгодно. Онъ былъ вѣренъ царю Василью, но только до тѣхъ поръ, пока не пришла на царя бѣда, и когда Шуйскій очутился въ осадѣ отъ тушинцевъ, Трубецкой немедленно же отъѣхалъ отъ него въ Тушино, разсчитывая отъ царя осаждающаго, хотя и Вора, получить больше выгодъ, чѣмъ отъ царя осажденнаго. За измѣну царю Василью князь былъ награжденъ въ Тушинѣ чиномъ боярина. А когда Тушинскій Воръ, разбитый войсками царя Василія, бѣжалъ въ Калугу, онъ только изъ трусости не вернулся къ Шуйскому и послѣдовалъ за Воромъ. Съ нимъ въ Калугу пошли изъ Тушина князья Черкасскіе, Засѣцкіе и «многіе бояре, окольничьи и всякихъ чиновъ люди». Послѣ гибели вора передъ княземъ сталъ вопросъ: пойти ли на службу къ овладѣвшимъ Москвою полякамъ, или соединиться съ воеводой Ляпуновымъ, который шелъ противъ поляковъ. Князь счелъ выгоднѣе откликнуться на призывъ Ляпунова, ибо многочисленное Ляпуновское ополченіе казалось ему силой, которая смететъ поляковъ. Но затертый властолюбивымъ воеводой, который не давалъ ему играть никакой роли, князь былъ радъ его гибели.

Теперь, когда ополченіе Пожарскаго взяло силу, Трубецкой поспѣшилъ заранѣе обезпечить себѣ милости новаго воеводы. Въ Ярославль онъ

прислалъ грамоту, въ которой оправдывался въ присягѣ Псковскому воеводѣ. А когда ополченіе, выступившее изъ Ярославля къ Москвѣ, остановилось въ Ростовѣ, Трубецкой послалъ туда провѣдать, не злоумышляетъ ли противъ казаковъ воевода Пожарскій.

Такое поведеніе Трубецкого не по душѣ пришлось атаману Заруцкому. Вѣдь это было уже какъ бы началомъ подчиненія! Нѣтъ, Заруцкій не хотѣлъ подчиниться Пожарскому. Но бороться съ нимъ тоже не было силъ.

Казаки, голодные, оборванные, лишенные поддержки городовъ, не могли разсчитывать на побѣду надъ многочисленнымъ ополченіемъ, которое состояло изъ служилыхъ людей, хорошо обезпеченныхъ богатымъ жалованьемъ. Вступить въ борьбу съ ополченіемъ—это значило идти на вѣрную гибель, или попасться въ плѣнъ къ тому же Пожарскому. Нѣтъ, лучше не дожидаясь его прихода, уйти изъ, подъ Москвы.

Не покориться, а уйти!

Атаманъ собралъ свою вольницу и передалъ это дѣло на ея рѣшеніе. Двѣ тысячи казаковъ согласились послѣдовать его примѣру. Остальные, почти столько же, рѣшили остаться съ княземъ Трубецкимъ.

Вотъ эта-то непокорная казацкая вольница, узнавъ о приближеніи ополченія и строилась теперь въ полки, чтобы двинуться прочь отъ Москвы.

Непродолжительно и недружелюбно было прощанье казачьихъ вождей, простоявшихъ вмѣстѣ подъ Москвой около полутора года.

«Прощай, князь, сказалъ Заруцкій Трубецкому,

дай Богъ тебѣ совѣтъ да любовь съ княземъ Пожарскимъ, дай Богъ за защиту отечества заслужить милости у будущаго царя!»

Нескрываемой насмѣшкой звучали эти слова атамана, съ явнымъ презрѣніемъ глядѣли на князя его темныя очи.

Вотъ онъ вскочилъ на коня и далъ знакъ своей вольницѣ. Казацкіе полки тронулись по Рязанской дорогѣ.

Подбоченясь одной рукой, атаманъ гордо держался на сѣдлѣ. Голова его въ высокой бараньей шапкѣ была ухарски запрокинута назадъ. Темные глаза глядѣли дерзко, вызывающе. Можно было подумать, что это ѣдетъ побѣдитель. Да онъ и не считалъ себя побѣжденнымъ. Побѣжденъ тотъ, кто проситъ пощады!

Побѣжденъ тотъ, кто заискиваетъ передъ врагомъ. А онъ... гордо уходитъ, не желая покориться этому врагу!...

Пожарскій—его врагъ! Пожарскій—такой же помѣщикъ, какъ и Ляпуновъ! Одно у нихъ на умѣ, какъ бы закабалить вотъ эту казацкую вольницу, что уходитъ теперь отъ Москвы. Нѣтъ, будетъ, повѣрили Ляпунову, въ другой разъ въ обманъ не дадутся! Ляпуновъ зналъ, чѣмъ приманить подъ Москву казачью массу, состоявшую главнымъ образомъ изъ бѣглыхъ холоповъ, да изъ крестьянъ, убѣжавшихъ съ помѣщичьихъ пашенъ.

«Шли бы всѣ бѣглые крѣпостные люди боярскіе подъ Москву на помощь ополченію, шли бы безо всякаго сомнѣнія и боязни, потому всѣмъ имъ *воля и жалованье будутъ!*»

Вотъ что писалъ Ляпуновъ въ своихъ призывныхъ грамотахъ.

И кинулось казачество подъ Москву, польстившись на эти обѣщанія, бросились туда крестьяне съ помѣщичьихъ пашенъ. Ляпуновъ обманулъ всѣхъ! Вмѣстѣ съ служилыми людьми ополченія, такими же помѣщиками, какъ и онъ самъ, Ляпуновъ составилъ приговоръ, по которому всѣ бѣглые крестьяне и холопы должны быть возвращены на мѣста къ ихъ прежнимъ господамъ и помѣщикамъ. Вмѣсто воли и жалованья ихъ ожидала прежняя кабала. Ляпуновъ поплатился за свой обманъ, поплатились и его товарищи, всѣхъ разогнали казаки. И теперь на службу къ помѣщикамъ не пойдутъ, потому знаютъ, чего отъ нихъ ждать. Пускай князь Трубецкой идетъ къ нимъ на помощь, онъ самъ такой же помѣщикъ, какъ и они, а вольный атаманъ Заруцкій Пожарскому не слуга!

Заруцкій припустилъ своего коня, вольница послѣдовала его примѣру.

Громче застучали конскія копыта, клубы пыли понеслись по дорогѣ.

Но вотъ атаманъ снова поѣхалъ тише, вотъ онъ почти остановилъ коня и, повернувшись въ полъ-оборота, оглянулся назадъ.

Какъ красива была Москва, залитая горячимъ лѣтнимъ солнцемъ, вся утопающая въ зелени своихъ многочисленныхъ садовъ! Какъ ослѣпительно сверкали въ солнечныхъ лучахъ золотыя верхушки ея многоглавыхъ храмовъ!

Тѣнь сожалѣнія промелькнула по суровому лицу атамана.

Не удалось овладѣть Москвой, не удалось посадить на царство своего царя!

Онъ махнулъ рукой и отвернулся.

Коли не удалось овладѣть Москвой, что и жалѣть о ней. Дальше отъ нея... Дальше отъ Москвы, куда идетъ теперь Пожарскій, чтобы возстановить въ ней прежніе порядки.

Хорошо знаетъ онъ атаманъ, эти порядки, бѣжитъ отъ нихъ народъ, куда глаза глядятъ. При этихъ порядкахъ только богатому хорошо! Дальше отъ нихъ...

Взоръ атамана устремился впередъ. Мысленно онъ уже видѣлъ передъ собой ту привольную, широкую степь, которая дастъ пріютъ и ему, и его полуголоднымъ товарищамъ. Да имъ ли однимъ? Много ихъ соберется къ нимъ, людей голодныхъ, обиженныхъ. Бѣжали раньше отъ московскихъ порядковъ, побѣгутъ и теперь...

Вотъ собрать бы ихъ всѣхъ, и тамъ на берегахъ Каспія, далеко отъ Москвы, устроить новое царство, гдѣ бы правду нашли всѣ обиженные!..

Неясными, смутными чертами рисовалось атаману это новое царство. Какіе порядки, непохожіе на московскіе, завелъ бы онъ въ этомъ казачьемъ царствѣ? Онъ не сумѣлъ бы этого сказать...

А солнце поднималось все выше и выше. Все дальше и дальше уходила отъ Москвы непокорная казацкая вольница. Вотъ казакъ, ѣхавшій позади атамана, затянулъ пѣсню. Пѣсню подхватили другіе. Казаки пѣли о волѣ, о широкомъ просторѣ степей, о далекомъ, безбрежномъ морѣ... Звуки росли. Подъ лазурнымъ небомъ могучей волной разливалась вольная пѣсня...

ГЛАВА XI.

Ополченіе подъ Москвой.—Подчиненіе казаковъ.—Побѣда надъ поляками.—Вступленіе ополченія въ Кремль.

18 августа ополченіе Пожарскаго подошло къ Москвѣ. Оно пришло какъ разъ во-время. Ходкѣвичъ приближался къ столицѣ и 21 августа уже стоялъ на Поклонной горѣ. Нужно было во что бы то ни стало не допустить гетмана пробраться въ Кремль, гдѣ давно ожидали его помощи.

Казацкій вождь и тушинскій бояринъ, князь Дмитрій Трубецкой, послѣ ухода Заруцкаго оставшійся во главѣ казачьихъ «таборовъ», не разъ посылалъ къ Пожарскому звать его «къ себѣ стояти въ таборы». Но Пожарскій помнилъ печальную участь Ляпунова, хорошо помнилъ покушеніе казаковъ и на свою собственную жизнь и потому отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ.

«Отнюдь намъ вмѣстѣ съ казаками не стаивать»—неизмѣнно отвѣчалъ онъ на всѣ приглашенія казаковъ и расположился у Арбатскихъ воротъ.

Такъ очутились подъ Москвой въ разныхъ мѣстахъ три вождя: польскій гетманъ Ходкѣвичъ, остановившійся на Поклонной горѣ со своей конницей и припасами для осажденныхъ; воевода Пожарскій со своимъ ополченіемъ, укрѣпившійся у Арбатскихъ воротъ и князь Трубецкой съ казаками и служилыми людьми, боярами и дворянами, бывшими слугами Тушинскаго Вора, стоявшій таборомъ между рѣками Яузой и Неглинной. Всѣ они стремились проникнуть въ Москву, но съ разными цѣлями. Ходкѣвичъ шелъ на помощь поля-

камъ, чтобы поддержать ихъ ратными силами и съѣстными припасами. Трубецкой и Пожарскій, напротивъ, оба горѣли желаніемъ поскорѣй прогнать поляковъ изъ Москвы. Но казаки хотѣли прогнать ихъ для того, чтобы самимъ овладѣть правительственной властью въ Москвѣ; а Пожарскій, думая объ изгнаніи поляковъ, никоимъ образомъ не хотѣлъ допустить до власти и казаковъ, ибо считалъ ихъ врагами всякаго порядка. А мечталъ онъ о возстановленіи разрушеннаго Смутой порядка и объ избраніи государя *совѣтомъ всея земли.* Такъ лагерь Пожарскаго и лагерь Трубецкого—оба враждебные Ходкѣвичу, были въ то же время враждебны и другъ другу. Вражда казаковъ противъ ополченцевъ особенно усилилась послѣ того, какъ тѣ «къ нимъ въ таборы не пошли».

Первый началъ военныя дѣйствія гетманъ Ходкѣвичъ. Не затѣмъ же онъ привезъ съѣстные припасы, чтобы стоять съ ними у Москвы. Онъ зналъ, что отъ его помощи зависѣла судьба, а можетъ быть и жизнь его соотечественниковъ, голодавшихъ за стѣнами Кремля. И торопясь проникнуть въ Кремль, онъ перешелъ Москву рѣку у Новодѣвичьяго монастыря, и напалъ на Пожарскаго, который, чтобы загородить гетману путь въ Кремль, со своими отрядами приблизился къ монастырю.

Начался бой и продолжался съ перваго часа по восходѣ солнечномъ до восьмого.

Прекрасно обученная польская конница стойко выдерживала натиски русскихъ войскъ; нижегородское ополченіе билось до послѣднихъ силъ, а Ходкѣвичъ наступалъ жестоко. Тогда Пожарскій велѣлъ своей рати сойти съ коней и биться пѣшими;

«былъ бой зѣло крѣпокъ», говоритъ современникъ—хватались за руки съ врагами и безъ пощады сѣкли другъ друга мечами.

А казаки, стоя на другомъ берегу Москвы рѣки, глядѣли на эту горячую битву и злорадствовали надъ неудачами ополченія.

«Богаты пришли изъ Ярославля, отстоятся и одни отъ гетмана!»—кричали они насмѣшливо и не шли на помощь.

На слѣдующій день бой возобновился. И такъ нѣсколько разъ въ теченіе августа и въ сентябрѣ происходили горячія схватки между врагами. Но что могли сдѣлать русскія войска противъ польской и венгерской конницы, неизмѣримо болѣе опытной и искусной! Казалось, вотъ-вотъ, и ополченіе Пожарскаго потерпитъ полное пораженіе.

А казаки продолжали бездѣйствовать. Въ таборѣ Трубецкого находились даже такіе люди, которые поднимали казаковъ противъ ополченія, совѣтуя имъ стать въ тылу у Пожарскаго и «всѣхъ его ратныхъ людей переграбить и отъ Москвы отженуть».

Но для такого дѣла казаки были слишкомъ малочисленны. И потому они ограничивались только насмѣшками надъ неудачами ополченцевъ. Однако такъ долго продолжаться не могло. Лишенные подмоги городовъ и уѣздовъ, казаки буквально голодали, а грабить и разбойничать ихъ не допускали все тѣ же отряды Пожарскаго. Нужно было на что нибудь рѣшиться. Бороться съ ополченіемъ не было силъ. Оставалось либо подчиниться Пожарскому, т.-е. поступить къ нему на службу за жалованье, отказавшись такимъ образомъ отъ надежды овладѣть правительственной властью въ

Москвѣ; либо послѣдовать примѣру Заруцкаго и уйти отъ Москвы...

Казаки колебались. Многіе склонялись къ тому, чтобы уйти.

Пожарскій вывелъ ихъ изъ нерѣшительности. Въ трудныя минуты, когда отряды его ополченія дрогнули подъ напоромъ польскихъ войскъ, и были втоптаны въ рѣку, въ казачій станъ явился келарь Троицкой обители Авраамій Палицынъ; вмѣстѣ съ нимъ пришли и многіе воеводы изъ стана Пожарскаго.

«Отъ васъ началось доброе дѣло, вы стали крѣпко за православную вѣру и прославились во многихъ дальнихъ государствахъ своею храбростью. А теперь, братья, хотите такое доброе начало однимъ разомъ погубить»!

Съ такой льстивой рѣчью обратился Авраамій Палицынъ къ оборваннымъ и голоднымъ казакамъ, убѣждая ихъ придти на помощь ополченію.

Но видъ пришедшихъ съ нимъ ополченцевъ, сытыхъ и богато одѣтыхъ, вызвалъ приливъ неимовѣрной злобы въ казакахъ.

«Мы наги и голодны, не можемъ дольше стоять подъ Москвой,—крикнули они,—пусть остаются тутъ богатые дворяне!».

Прослышавъ про такія рѣчи, Троицкій архимандритъ Діонисій, уже истратившій всю монастырскую казну на помощь пострадавшимъ, прислалъ казакамъ сокровища церковныя, ризы, стихари, епитрахили въ залогъ, только бы не уходили отъ Москвы, помогли бы ополченію прогнать поляковъ.

Смутились сердца казаковъ. Вѣдь они были православные люди! Страшно и стыдно имъ стало

брать въ закладъ церковныя вещи да еще изъ монастыря преподобнаго Сергія.

Они отослали ихъ обратно въ монастырь и поклялись не уходить изъ Москвы до тѣхъ поръ, пока не очистятъ ее отъ поляковъ. А отъ своего вождя, отъ князя Трубецкого потребовали, чтобы уступилъ онъ Пожарскому и «выборному человѣку» Козьмѣ Минину.

«Отъ вашей ссоры Московскому государству и ратнымъ людямъ только одна пагуба становится», говорили они.

Наконецъ соглашеніе состоялось. Въ началѣ октября Пожарскій и Трубецкой отписывали въ города, что они теперь «стали *во единачествѣ* и укрѣпились на томъ, что имъ и выборному человѣку, Кузьмѣ Минину, Московскаго государства доступать и Россійскому государству во всемъ добра хотѣть безо всякія хитрости»...

Для общихъ дѣлъ порѣшили съѣзжаться на Трубѣ, почти на серединѣ между таборами и нижегородскимъ станомъ. Установили одно правительство. Перенесли сюда всѣ приказы и всякія дѣла стали дѣлать заодно, о чемъ и написали въ города грамоты, прибавивъ, что если которыя грамоты будутъ приходить къ нимъ отъ кого-либо одного изъ воеводъ, то тѣмъ грамотамъ не вѣрить и свои грамоты писать тоже на имя обоихъ воеводъ.

Такъ подмосковные казаки подчинились Пожарскому, простившись съ мечтой о своемъ царѣ!

Теперь, когда два ополченія объединились, дѣла пошли успѣшнѣе. Русскіе съ двухъ сторонъ ударили на поляковъ. Въ одну изъ рѣшительныхъ минутъ, когда силы русскихъ начали слабѣть, къ

Пожарскому подошелъ Мининъ и сталъ просить людей, говоря, что онъ хочетъ ударить на враговъ. «Бери, кого хочешь», сказалъ Пожарскій. Мининъ взялъ «роту, да дворянъ триста человѣкъ», переправился черезъ рѣку и «съ великой прыткостью» ударилъ на стоявшія тамъ роты Ходкѣвича. Неожиданное нападеніе испугало враговъ, они побѣжали, причемъ конные потоптали пѣшихъ. На помощь Минину подоспѣли казаки. Дружный натискъ соединеннаго ополченія рѣшилъ дѣло. Ходкѣвичъ былъ отбитъ и, потерявъ множество людей, ушелъ изъ-подъ Москвы, покинувъ всѣ свои запасы въ пользу ополченія.

Теперь оставалось только выбить поляковъ изъ Москвы. А въ Москвѣ въ это время творились страшныя дѣла.

«Писать трудно, что дѣлалось у насъ, сообщали своимъ поляки, сидѣвшіе въ Кремлѣ, мы переѣли всѣхъ лошадей, собакъ, кошекъ, мышей, грызли разваренную кожу отъ обуви... потомъ грызли землю, въ бѣшенствѣ объѣдали себѣ руки, выкапывали изъ могилъ трупы и пожирали... отъ такой пищи начались болѣзни, увеличилась смертность; а дальше пошло еще хуже. Люди начали пожирать другъ друга. Одинъ полякъ съѣлъ сына, другой—мать, третій—слугу своего товарища. Судья, посаженный судить виновныхъ въ страшномъ преступленіи, убѣжалъ съ судилища, боясь, какъ бы обвиняемые не съѣли его самого».

Обо всемъ этомъ зналъ Пожарскій отъ людей, приходившихъ изъ Москвы. Для него было ясно, что осажденнымъ долго не продержаться. Для чего же эти ненужныя страданія? Для чего эти невѣроятные ужасы?

И онъ написалъ въ Кремль грамоту полковникамъ, всему рыцарству польскому... и всѣмъ, кто сидѣлъ съ ними въ осадѣ:

«Вѣдомо намъ, что вы, будучи въ городѣ въ осадѣ, голодъ безмѣрный и нужду великую терпите, ожидаючи со дня на день своей гибели. Гетманъ Ходкѣвичъ ушелъ въ Смоленскъ, и въ другой разъ его не ждите!.. Присылайте къ намъ, не мѣшкая, сберегите головы ваши и животы ваши въ цѣлости, а я возьму на свою душу и у всѣхъ ратныхъ людей упрошу: которые изъ васъ захотятъ въ свою землю,—тѣхъ отпустимъ безо всякой зацѣпки, а которые захотятъ московскому государю служить, тѣхъ пожалуемъ по достоинству».

Надменный отказъ послѣдовалъ на это предложеніе. Въ отвѣтной грамотѣ польскіе полковники, восхваляя мужество и доблести поляковъ, называли московскій народъ самымъ «подлѣйшимъ» народомъ въ свѣтѣ и уподобляли русскихъ по мужеству и доблести ословъ и байбакамъ.

«Лучше ты, Пожарскій, отпусти къ сохамъ своихъ людей, писали они. Пусть хлопъ попрежнему воздѣлываетъ землю, попъ пусть знаетъ церковь. Кузьмы пусть занимаются своей торговлей — царству тогда лучше будетъ, чѣмъ при твоемъ управленіи»...

Въ концѣ грамоты осажденные выражали надежду на скорое прибытіе помощи и грозили жестокими карами Пожарскому и его товарищамъ.

Въ отвѣтъ на такое упорство, ополченіе 22-го октября пошло на приступъ и въ тотъ же день взяло штурмомъ Китай-городъ.

Доведенные голодомъ до крайности, поляки начали переговоры о сдачѣ Кремля, причемъ просили

Пожарскаго только объ одномъ, — чтобы имъ была сохранена жизнь. Пожарскій обѣщалъ. Поляки сперва выпустили всѣхъ русскихъ женщинъ, сидѣвшихъ въ осадѣ. Потомъ были выпущены всѣ московскіе бояре, дворяне и другихъ чиновъ люди, тѣ, что держали руку Сигизмунда, и тѣ, что случайно попали въ осаду.

Когда бояре и боярыни, выйдя изъ Кремля, проходили по Каменному мосту, казаки не выдержали. По своему казацкому обычаю они бросились — было грабить ихъ. Но Пожарскій приказалъ своимъ отрядамъ остановить такое безчинство.

Наконецъ вышли изъ Кремля и поляки.

Какое жалкое зрѣлище представляли они! «На земляковъ нашихъ, высидѣвшихъ 18 мѣсяцевъ въ осадѣ, страшно было глядѣть, говорятъ поляки-очевидцы. Голодъ и нужда обезобразили ихъ, и многіе были такъ слабы, что едва переступали, держась за полы своихъ товарищей».

26 октября 1612 года совершилось торжественное вступленіе ополченія въ Кремль.

Шествіе открывалъ троицкій архимандритъ Діонисій съ крестнымъ ходомъ. За нимъ тихо, въ чинномъ порядкѣ, входили русскія войска. Въ глубокомъ волненіи вступали въ кремлевскія ворота вожди ополченія Пожарскій и Мининъ.

Не громкими, ликующими криками, а тихой, проникновенной радостью встрѣчали избавителей жители Москвы. Словно боялись они громко проявлять свою радость, словно еще не вѣрили ей. Вѣдь за послѣднія 6 лѣтъ Москва почти непрерывно находилась въ осадѣ! Казаки и тѣ держались чинно въ эти торжественныя минуты вступленія ополченія въ освобожденную столицу.

Но какимъ ужасомъ исполнились сердца побѣдителей, когда послѣ молебна на Лобномъ мѣстѣ, они вошли въ Кремль. Что они тамъ увидѣли! Въ церквахъ грязь, образа разсѣчены, глаза у святыхъ вывернуты; повсюду валялись обглоданныя кости животныхъ. А въ чанахъ приготовлена была страшная пища—человѣческіе трупы!

И при видѣ такихъ ужасовъ всѣ съ глубокимъ чувствомъ повторяли:

«Благодареніе Богу, насталъ конецъ этимъ безчинствамъ! Конецъ иноземному плѣненію!»

ГЛАВА XII.

Земскій Соборъ 1613 года. — Избраніе на царство Михаила Федоровича Романова.

Итакъ, очищеніе Московскаго государства совершилось. По очереди брались за это дѣло разные классы общества: боярство, затѣмъ дворянство во главѣ съ Ляпуновымъ и наконецъ «послѣдніе» московскіе люди, посадскіе тяглецы. Боярство, сильное своей опытностью въ дѣлахъ управленія и кичливое своей «породой», потерпѣло неудачу, потому что заключило союзъ съ иноземнымъ врагомъ, съ поляками. Дворянство, т.-е. военно служилый землевладѣльческій классъ, сильный своей воинской опытностью, потерпѣлъ пораженіе, потому что вступилъ въ союзъ со своимъ домашнимъ врагомъ, съ казаками.

Побѣда досталась «послѣднимъ» людямъ. Сильные горькимъ опытомъ предшествующихъ неудачъ, они рѣшительно отказались отъ союза и съ чужими,

и со своими врагами. Объявивъ войну казакамъ и считая измѣнниками всѣхъ, кто держалъ руку поляковъ, эти «послѣдніе» люди звали въ свой станъ только тѣхъ, кто не былъ увлеченъ въ измѣну, кто хотѣлъ только возстановить тотъ порядокъ, который былъ разрушенъ смутой.

Теперь, когда земля была очищена отъ враговъ, оставалось сдѣлать то, что не успѣли сдѣлать въ Ярославлѣ, а именно—избрать государя, т. е. старое зданіе увѣнчать привычной главой.

Московскіе люди не мыслили московское государство безъ главы, безъ хозяина.

«Можетъ ли и небольшая хижина безъ настоятеля утвердиться, не только что такому великому государству безъ государя быть!»

Такъ писали въ одной изъ своихъ грамотъ троицкіе монахи.

«Невозможно намъ пребыть безъ царя ни единаго часа!» Такъ говорили русскіе люди, собравшись по взятіи Москвы.

И уже въ началѣ ноября вожди ополченія,—князь Пожарскій, князь Трубецкой и Козьма Мининъ послали изъ Москвы грамоты по городамъ съ приглашеніемъ прислать въ Москву выборныхъ для избранія государя.

«Москва отъ польскихъ людей очищена, церкви Божіи въ прежнюю лѣпоту облеклись, и Божіе имя славится въ нихъ попрежнему, возвѣщали грамоты, но безъ государя Московскому государству стоять нельзя, печься о немъ и людьми божіими промышлять некому, безъ государя вдосталь Московское государство разорятъ все...»

Опытъ Смутнаго времени не пріучилъ составителей грамоты къ мысли, что и при государяхъ

Московское государство «вдосталь разорялось». Они словно забыли несчастливое царствованіе Василія Шуйскаго и въ своихъ грамотахъ настойчиво повторяли: «Безъ государя государство ничѣмъ не строится и воровскими заводами на многія части раздѣляется».

И чтобы избрать государя «всѣ духовныя власти изъ городовъ были бы къ нимъ въ Москву, и изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, поскольку человѣкъ пригоже, для земскаго совѣта и государскаго избранія, всѣ города прислали бы въ Москву-жъ, и чтобъ эти власти и выборные лучшіе люди договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли у всякихъ людей о государскомъ избраніи полные договоры». Такія грамоты были разосланы «въ Сибирь, въ Астрахань, въ Казань, въ Нижній-Новгородъ, на Сѣверъ и во всѣ городы Московскаго государства». Вожди ополченія хотѣли, чтобы въ дѣлѣ избранія царя приняла участіе черезъ своихъ выборныхъ вся Земля.

И Земля откликнулась на этотъ призывъ. Больше 50 городовъ прислали въ Москву своихъ представителей, «крѣпкихъ и разумныхъ» людей. Иные города прислали по десяти выборныхъ, а нѣкоторые и больше, человѣкъ по двадцати. Такимъ образомъ земскій соборъ, созванный для избранія государя, былъ очень многолюденъ.

Выборные съѣхались въ Москву въ январѣ 1613 года. Былъ назначенъ трехдневный постъ, коимъ хотѣли сперва очиститься отъ грѣховъ смуты и уже по окончаніи поста приступили къ совѣщанію о томъ, кому быть царемъ на Руси.

Отъ своихъ городовъ выборные получили крѣпкій наказъ не выбирать въ цари ни иноземныхъ государей, ни «воровскаго» царя. И потому быстро и единодушно Соборъ постановилъ «Польскаго и Шведскаго короля и ихъ дѣтей за ихъ многія неправды и иныхъ нѣмецкихъ вѣръ государей на Московское государство не обирать», а также «и Маринки съ сыномъ на государство не хотѣть». Рѣшено было избрать своего природнаго русскаго царя.

Сперва перебрали Московскіе «великіе роды», кому изъ нихъ «Богъ дастъ на Московскомъ государствѣ быти государемъ». Но оказалось, что самыя старинныя родовитыя фамиліи были разбиты смутой. Князья Шуйскіе вмѣстѣ съ бывшимъ царемъ Василіемъ Шуйскимъ были увезены въ Польшу Сигизмундомъ послѣ взятія Смоленска, въ плѣну у поляковъ былъ также и князь Голицынъ. Князь Мстиславскій, послѣ сверженія Шуйскаго стоявшій во главѣ временнаго правительства, былъ опозоренъ въ глазахъ народа своей приверженностью къ королю польскому Сигизмунду и считался какъ бы измѣнникомъ.

Тогда заговорили о фамиліяхъ менѣе родовитыхъ. Вотъ тутъ-то и пошли большіе споры и разногласія. Всякій хотѣлъ по своей мысли дѣлать, всякій выставлялъ своего кандидата, начались происки, даже подкупы.

Нѣсколько разъ собирался соборъ, но ни къ какому согласію придти не могъ. По выраженію современника, «бысть по многіе дни собраніе людемъ, дѣла же утвердити не возмогутъ». Наконецъ на соборѣ было произнесено имя Михаила Романова. Современное сказаніе такъ разсказываетъ

объ этомъ: въ самый разгаръ борьбы партій дворянинъ изъ Галича подалъ на земскомъ соборѣ письменное заявленіе, гдѣ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ царями прежней династіи былъ Михаилъ Федоровичъ Романовъ, его и надобно избрать въ цари. «Кто принесъ такое писаніе?» раздались голоса. Но въ это время изъ рядовъ выборныхъ вышелъ «славнаго Дону» атаманъ и также подалъ письменное заявленіе. «Какое писаніе ты подалъ, атаманъ?»—спросилъ его князь Пожарскій.

«О природномъ царѣ Михаилѣ Федоровичѣ»,—отвѣчалъ атаманъ. Это одинаковое мнѣніе, поданное галицкимъ дворяниномъ и донскимъ казакомъ будто бы и рѣшило дѣло. Соборъ началъ склоняться въ пользу шестнадцатилѣтняго Михаила Романова.

Юный Михаилъ Романовъ приходился племянникомъ послѣднему царю старой династіи—Федору Ивановичу, мать котораго царица Анастасія, супруга Грознаго царя, происходила изъ дома Романовыхъ.

Если Галицкій дворянинъ подалъ свой голосъ за Михаила Романова, потому что онъ былъ въ сродствѣ съ царями прежней династіи, то у донскаго казака могли быть свои причины поддерживать его кандидатуру. Отцомъ Михаила былъ митрополитъ Филаретъ, котораго Тушинскій Воръ взялъ въ плѣнъ въ Ростовѣ и сдѣлалъ его въ Тушинѣ своимъ патріархомъ. Если не удалось посадить на царство сына своего тушинскаго царя, то почему бы не выбрать въ цари сына тушинскаго патріарха?

Такъ дворяне, казаки, а затѣмъ и прочихъ чи-

новъ выборные люди 7-го февраля намѣтили въ цари Михаила Романова.

Но Смута научила осторожности. Прежде чѣмъ провозгласить Михаила царемъ, рѣшено было сперва узнать о томъ мнѣніе народа. Для этой цѣли по городамъ и уѣздамъ разослали выборныхъ отъ тѣхъ городовъ и уѣздовъ: «Во всѣ городы Россійскаго царствія, опричь дальныхъ городовъ, послали *тайно* во всякихъ людехъ мысли ихъ про государское обиранье провѣдывати вѣрныхъ и богобоязненныхъ людей, кого хотятъ государемъ царемъ на Московское государство»....

Что могли сказать люди городовъ и уѣздовъ противъ Михаила Романова?

Бояръ Романовыхъ любили въ народѣ. О супругѣ Грознаго царя Анастасіи сохранилась добрая молва, будто не разъ останавливала она расходившуюся руку своего царственнаго супруга, отвлекая его гнѣвъ отъ людей невинныхъ. Добромъ поминали и брата ея Никиту Романова, который являлся постояннымъ ходатаемъ передъ Грознымъ царемъ за гонимыхъ и обиженныхъ. Любовь къ Романовымъ особенно усилилась благодаря тѣмъ гоненіямъ, которымъ подвергались они при подозрительномъ царѣ Годуновѣ.

Но всего больше за избраніе Михаила Романова говорило, по мнѣнію Ключевскаго, его родственная связь съ прежней династіей. Въ продолженіе Смуты русскій народъ столько разъ выбиралъ царей, и всѣ эти избранія были неудачны. Не потому ли они были неудачны, что цари выбирались изъ родовъ, не связанныхъ съ прежнимъ царскимъ домомъ? Утомленные бурями Смутнаго времени, русскіе люди готовы были ухватиться за

эту мысль и повѣрить въ то, что избраніе царя, родственнаго прежней династіи, спасетъ Русскую Землю отъ новыхъ бурь. И вернулись посланные въ Москву съ извѣстіемъ, что у всѣхъ людей Московскаго государства одна мысль — быть государемъ Михаилу Федоровичу Романову, и опричь его никого на государство не хотѣть.

21 февраля, въ Недѣлю Православія, т.-е. въ первое воскресенье Великаго поста, Земскій Соборъ избралъ на царство шестнадцатилѣтняго Михаила Романова, а 2-го марта изъ Москвы отправилось къ нему посольство, чтобы сообщить ему рѣшеніе Собора.

Юный Михаилъ въ то время находился вмѣстѣ со своей матерью, инокиней Марѳой, въ одной изъ своихъ вотчинъ близъ Костромы. Посольство принялъ онъ въ ближайшемъ Ипатьевскомъ монастырѣ. Здѣсь послы вручили Михаилу царскій посохъ. Это было 14 марта.

11-го іюля происходило царское вѣнчаніе.

Въ тотъ же день вождю Нижегородскаго ополченія, князю Пожарскому, въ награду за защиту отечества было сказано боярство, а Козьма Мининъ былъ возведенъ въ званіе думнаго дворянина и награжденъ вотчиною въ Нижегородскомъ уѣздѣ, селомъ Богородицкимъ.

Козьма Мининъ недолго жилъ послѣ «очищенія» государства. Онъ умеръ въ 1616 году.

Князь Пожарскій надолго пережилъ его. Въ царствованіе Михаила Федоровича онъ служилъ воеводой въ разныхъ городахъ и успѣшно отбивалъ поляковъ, которые въ первые годы царствованія новаго царя нѣсколько разъ дѣлали попытки снова вторгнуться въ русскіе предѣлы. Пожарскій

умеръ въ 1641 году. Благодарное потомство увѣковѣчило память вождей Нижегородскаго ополченія. Въ Москвѣ на Красной площади красуется воздвигнутый имъ памятникъ. Мощныя фигуры вождей вылиты изъ бронзы. Высоко поднятой рукой Мининъ указываетъ Пожарскому на Кремль, какъ бы призывая воеводу взяться за великое дѣло спасенія родины. На пьедесталѣ памятника надпись:

«Гражданину Минину и князю Пожарскому
Благодарная Россія».

Яр. О-Т

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 1972 г.

Книжный складъ «ПРОВИНЦІЯ».

С.-Петербургъ, Стремянная ул., 6.

ИЗДАНІЯ ВЯТСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА:

Проф. **Германъ Клейнъ.**

Астрономическіе вечера.

Переводъ Давыдова съ 6-го переработ. и дополнен. нѣмецкаго изданія. 414 стран. текста, 25 иллюстрацій и карта сѣвернаго звѣзднаго неба.

Содержаніе: Астрономія въ древности и въ средніе вѣка. — Новое время: Коперникъ, Галилей, Кеплеръ, Ньютонъ, позднѣйшіе изслѣдователи неба.—Солнце.—Луна.—Планеты.—Кометы и падающія звѣзды.—Неподвижныя звѣзды. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ.

Содержаніе: Міръ, какъ цѣлое.—Прошлое и будущее вселенной.—Царство туманныхъ пятенъ и ихъ роль въ образованіи звѣздныхъ системъ.—Солнце.—Природа кометъ и ихъ роль во вселенной.—Роль падающихъ звѣздъ въ солнечной системѣ.—Воздухъ солнечной системы и земли.—Обитаемость луны.—Обитаемость планетныхъ міровъ. Переводъ I. А. Давыдова, съ 45 рис. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ЧУДЕСА ЗЕМНОГО ШАРА.

Содержаніе: Понятія древнихъ о землѣ.—Великіе мореплаватели и открытіе новыхъ странъ. (Колумбъ, Васко-де-Гама, Магелланъ). Изслѣдованіе глубинъ океана.—Форма земли.—Размѣры земного шара.—Вѣсъ земли.—Измѣненія на земной поверхности.—Море и морское дно.—Морскія теченія.—Острова.—Наводненія.—Пороги и водопады.—Озера.—Болота. Ледники.—Землетрясенія.—Вулканическія явленія.—Атмосфера и ея свойства.—Облака.—Дождь.—Грозы.—Вѣтры.—Атмосферное электричество и земной магнетизмъ. Съ 84 рис. Цѣна 1 руб. 35 коп.

Р. Боммели.

ИСТОРІЯ ЗЕМЛИ.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Фабръ.

ЖИЗНЬ НАСѢКОМЫХЪ.

Цѣна 1 руб. 60 коп.

В. Оствальдъ.

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ПРОВИНЦІЯ“.
Спб., Стремянная ул., 6.

Клейнъ. Г. Чудеса земного шара. Съ 84 рис. Цѣна 1 р. 35 к.
» Прошл. настоящ. и будущ. вселенной. 45 рис. 1. 25 к.
» Солнце. Съ 3 рис. 12 к.
» Луна. Съ 7 рис. 25 к.
» Звѣздный міръ 40 к.
Фламмаріонъ К. Земля. Съ рис. 35 к.
Фабръ. Насѣкомыя-мертвоѣды. 30 к.
„ Жуки навозники. 22 рис. 35 к.
„ Жизнь насѣкомыхъ. Съ 74 рис. Цѣна 1 р. 60 к.
„ Пчелы. Съ рис. 35 к.
„ Осы. Съ 28 рис. 45 к.
Говардъ. Комнатная муха. 40 к.
Оствальдъ В. Великіе люди. 2 р. 50 к.
Боммели. Исторія земли. Съ 253 рис. 2 р. 50 к.
Очаповскій. Сусликъ. Съ 12 рис. 15 к.
Рубакинъ. Чудо на морѣ. 10 рис. 15 к.

Иностранные авторы:

Эркманъ-Шатріанъ. Исторія одного крестьянина. 75 к.
Золя Э. Углекопы, полн. пер. 60 к.
Французъ К. Борьба за право. 50 к.
Вазовъ. И. Подъ игомъ. 50 к.
Бейерлейнъ. Іена или Седанъ? 50 к.
Грушецкій. Углекопы. 40 к.
Шиллеръ. Донъ Карлосъ. 30 к.
» Вильгельмъ Телль. 25 к.
» Марія Стюартъ. 9 рис. 40 к.
» Орлеанск. дѣва. 10 рис. 35 к.
Арнольдъ, Э. Свѣтъ Азіи. 75 к.
Бичеръ Стоу. Хижина дяди Тома. 1 р., въ папк. 1 р. 30 к.
Гюго В. Труженики моря. 45 к.
» Соборъ Парижской Богоматери. (печ.).
Киплингъ. Смѣлые мореплават. 50 к.
» Волчій пріемышъ 80 к.
» Рикки-Тикки. 8 к.
» Маленькій Тумай. 10 к.
» Чудо Пуранъ Багата 8 к.
» Слонъ бунтовщикъ 5 к.
Дефо. Робинзонъ Крузо. 1 руб.
Твэнъ. Принцъ и нищій. 13 рис. 50 к.
» Приключенія Тома. 50 к.
Ибаньесъ. Въ морѣ. 4 к.
Золя. Наводненіе 7 коп.
Уйда. Нюренбергская печь. 8 коп.
Андерсенъ. Дикіе лебеди. 11 рис. 12 к.
» Безобразный утенокъ. 6 к.
Андерсенъ. Мать. Съ 3 рис. 5 к.
„ Дѣвочка со спичками. 5 к.
» Дюймовочка. 7 рис. 8 к.
„ Ель. Съ 2 рис. 6 к.
Лагерлефъ. Вифлеемскій младенецъ. 8 коп.
» Кладезь мудрецовъ. 5 коп.
» Платъ Св. Вероники. 14 коп.
» Красношейка. 4 к.
» Путешествіе мальчика по Швеціи. 1 руб.
* Джіованіоли. Спартакъ. 25 к.
Сервантесъ. Донъ-Кихотъ. 41 рис. 1 р.
Гуцковъ. Уріэль Акоста. 50 к.
Сенкевичъ. Камо грядеши? 80 коп.
Эберсъ. Дочь Египетскаго царя. 50 к.
» Уарда. Съ 33 рис. 60 к.
» Іисусъ Навинъ. 50 к.
По Джіованіоли. Спартакъ. Драма. 40 к.
Лабулэ. Принцъ-пудель. 25 к.
Ли Іонасъ. Отверженникъ. 15 к.
Конопницкая. Мендель Гданскій. 4 к.
Гебгардъ Послѣдняя ночь Іуды. 2 к.
Доде. Прекрасная Нивернеза 10 к.

Русскіе авторы:

Толстой Л. Кавказскій плѣнникъ. 5 к.
» Поликушка. 8 к.
» Три смерти. 4 к.
Успенскій. Неизлѣчимый. 6 к.
» Будка. 4 к.
Мельшинъ. Чертовъ Яръ. 5 к.
» Искорка. 4 к.
Погорѣловъ. Въ потьмахъ. 8 к.
» Аликаевъ Камень. 10 к.
Елпатьевскій. Присяжнымъ засѣдателемъ 3 к.
Ивановичъ. Степанъ Ежикъ. 15 к.
М. Ц. Гнѣдко. Разсказъ. 8 к.
Танъ. По бѣлу свѣту. 1 р.
» Русскіе въ Америкѣ. 1 р.
» Пашенькина смерть. 7 к.
» Черный студентъ. 4 к.
» Авдотья и Ривка. 8 к.
Телешовъ. Противъ обычая. 3 к.
Станюковичъ. За «щупленькаго». 3 к.
Данилинъ. Передъ праздникомъ. 1 к.
Серафимовичъ. Подъ землей. 4 к.
» Стрѣлочникъ. 4 к.
» Въ бурю. 4 к.
Семеновъ. Отчего Парашка не выучилась грамотѣ. 4 к.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ПРОВИНЦІЯ“.
Спб., Стремянная ул. 6.

Тимковскій. Среди людей. 6 к.
Сѣрошевскій. Пустынный островъ 25 к.
„ Матросы корабля „Надежда“. 25 к.
Станюковичъ. ● Исайка. 7 к.
„ ● Отчаянный. 5 к.
„ ● Оборотъ. 5 к.
Чириковъ. ● Бродячій мальчикъ. 7 к.
КОРОЛЕНКО. 1) ● Яшка. 10 к. 2) * Лѣсъ шумитъ. 7 к 3) * Убивецъ. 12 к. 4) * На Волгѣ. 3 к. 5) Послѣдній лучъ. 4 к. 6) Государевы ямщики. 8 к. 7) * На затменіи. 5 к. 8) Мгновеніе. 3 к. 9) * Парадоксъ. 5 к. 10) * Марусина заимка. 14 к. 11) * Тѣни. 7 к. 12) Морозъ. 5 к. 13) Соколинецъ. 8 к. 14) Ночью. 6 к. 15) * Старый звонарь. 3 к. 16) * Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ. 3 к. 17) Сказаніе о Флорѣ. 4 к. 18) *Дѣти подземелья. 10 к. 19) Судный день. 15 к. 20) Сонъ Макара. 9 к. 21) Атъ Даванъ. 8 к. 22) Рѣка играетъ. (печ.). 23) Пріемышъ. 3 к.
Гаршинъ. Денщикъ и офицеръ. 4 к.
„ Воспомин. рядового. 10 к.
„ Сигналъ. 3 к.
„ Происшествіе. 6 к.
Елеонскій. Папаша крестный. 7 к.
„ Подпасокъ. 2 к.
Елпатьевскій. Гекторъ. 5 к.
МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ. 1) Озорникъ. 7 к. 2. Летные. 15 к. 3. Въ ученьи. 10 к. 4) Великій грѣшникъ. 15 к. 5) Три друга. 5 к. 6) Вольный человѣкъ Яшка. 5 к. 7) Кормилецъ. 7 к. 8) Лебедь Хантыгая. 6 к. 9) Дикое счастье 1 руб.
Гусевъ-Оренбургскій. Кахетинка. 2 к.
ДМИТРІЕВА. 1) Червоный хуторъ 1 р. 25 к. 2) Баба Иванъ и ея крестникъ. 25 к. 3) Первая корреспонденц. 4 к. 4) Всѣ люди братья. 8 к. 5) Митюха-учитель. 30 к. 6) Досвитки. 6 к. 7) Ее всѣ знаютъ. 4 к 8) Майна-вира. 5 к. 9) Больничный сторожъ Хвеська 5 к. 10) Димка 20 к. 11) Ванька-бакланъ 9 к. 12) Волки. 7 коп.
Засодимскій. Хрон. села Смурина. 35 к.
Рубакинъ. Книгоноша. 12 к.
Чириковъ. Танино счастье. 7 к.
Лермонтовъ. Пѣсня про купца Калашникова. 3 к.
„ Избран. стихотвор. 6 к.
„ Бояринъ Орша 5 к.
„ Мцири. 5 к.
Пушкинъ. Полтава. 7 к.
„ Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. 3 к.
„ Избранныя произведенія. 25 к.
Аксаковъ. Аленькій цвѣточекъ. 5 к.
ГОГОЛЬ. 1) Майская ночь. Съ 14 рис. 6 к. 2) Пропавшая грамота. Заколдованное мѣсто. 5 рис. 5 к. 3) Ночь передъ Рождествомъ. Съ 16 рис. *Маковскаго.* 8 к. 4) Страшная месть. 4 рис. 6 к. 5) Иванъ Ѳедоров. Шпонька. 4 к. 6) Старосвѣтскіе помѣщики. 4 к. 7) Тарасъ Бульба. 15 рис. 15 к. 8) Вій. Съ 6 рис. *Пимоненко.* 6 к. 9) Какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Съ 4 рис. 6 к. 10) Ревизоръ. Съ 16 рис. 12 к. 11) Шинель. Съ 12 р. *Нилуса.* 5 к. 12) Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Съ 71 рис. 30 к. 13) Миргородъ. Съ 28 рис. 25 к. 14) Сорочинская ярмарка. 5 к. 15) Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. 7 рис. *Пимоненко.* 4 к.
Малиновскій. Библіотека народной школы. 40 к.
Некрасова. Народныя книги въ ихъ 25-ти лѣтн. борьбѣ съ лубочной литературой. 40 к.

*) Изд. М. А. Коломенкиной.
●) Изд. куплен. у В. И. Раппа.

Полный каталогъ склада по требованію высылается безплатно.

Обложка печатана въ типографіи 1-й Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.